

МУ

Эмиль Петросян

*Как-то монах спросил у Чжаочжоу:
— Обладает ли собака Природой Будды?
И Чжаочжоу ответил:
— Му!*

Мумонкан.

ВОРОНКИ ВОЙНЫ

В своих затяжных липких снах я вспоминаю нашу скрипучую калитку, сырой теплый воздух южного города и шуршащие листвой деревья во дворе. Я возвращаюсь к этим воспоминаниям снова и снова, но только во снах, потому что в реальности возврата к ним больше нет. Меня от моих воспоминаний оторвала война.

Война и мир, как жизнь и смерть. Как пресловутая борьба добра со злом. Наши желания и наши опасения. Страх и опыт. Автоматизм и оригинальность. Дни и ночи, набегающие приливами и отливами за один неделимый промежуток времени, в который непременно нужно успеть сделать что-то важное, что-то значительное, что-то спасительное.

Я несколько раз в жизни переживал войну. И всякий раз это было ужасно. Мне хотелось бежать и прятаться под одеяло. Я хотел, чтобы война никогда не оказывалась со мной в одном времени, в одном пространстве, в одной реальности.

Но часто войны случались и в моей обычной человеческой жизни. Сначала я воевал с родителями, потом с учителями, потом с друзьями, потом с понравившимися девушками, потом с работодателями. Это всегда забирало много сил и энергии, но я об этом не жалею. Это позволило в большей степени сохранить себя. Или то, что от меня осталось.

В один обычный ничем не примечательный день я посмотрел мультфильм, который произвел на меня сильное впечатление. Там один безработный устраивается на работу в тир. Поначалу он просто поправляет сбитые мишени, но потом ради зрелищности шеф уговаривает его выступить в качестве самой мишени. Припоминая свои мучения в бытность безработным, работник в конечном итоге соглашается на это.

Через некоторое время человек влюбляется в молоденькую уборщицу, и они женятся. Теперь у шефа две мишени. Затем у них рождается ребенок. На потеху публике теперь вынесена вся семья.

Далее показан быт этой среднестатистической семьи – мягкая мебель; торшеры; телевизор с пуфиком для ног; холодильник с приклеенными к дверце фотографиями и наклейками; настенные часы; кока-кола.

Молодая семья – отец, мать, ребенок – едят за столом и смотрят телевизор. И по всему их интерьеру расставлены мишени. Камера откатывается назад, и мы видим, что вся их квартира – это переоборудованный сектор для стрельбы в том же самом тире.

Интересна сцена, когда начинается стрельба, и мать, доведенными до автоматизма движениями уворачивается от пуль и, как заведенная кукла, убирает со стола. Так же, уворачиваясь от пуль, двигаются и остальные члены семьи.

Они уворачиваются, когда сидят, стоят, спят, смотрят телевизор или слушают магнитофон, занимаются сексом или играют с ребенком. Причем ребенок уворачивается намного лучше родителей. Он приучен к этому с рождения. Он представитель нового поколения людей, поколения, воспринимающего мир в терминах мишени.

Мы всегда находимся между двумя полюсами нашего бытия – война и мир. Да, все понятно: диалектика, Гегель, единство и борьба противоположностей. Но я убежден, что войны развязывают люди, у которых напрочь отсутствует эмоциональный интеллект.

К сожалению, во все времена психопаты всех мастей стремились во власть, чтобы хоть как-то быть принятыми в общество. И поскольку они были готовы на все, то они поднимались на самый верх. Макиавелли.

КОРНИ РИТМА

Я начал слушать рок в 5-ом веке своей эры. Тогда я был хилым мальчиком, постоянно заваливающим сольфеджио. Веселый нрав и необременительная общительность выделяли меня в любом коллективе. Я был в хороших отношениях с одноклассниками, но ни с кем особо не дружил.

Это была эпоха *Dereche Mode* и *U2*. Зазеркалье. Мне казалось, что все кроме меня знают ответы на все вопросы. Мне казалось, что мои мысли может прочитать каждый, и поэтому я ощущал себя прозрачным, как аквариум.

И вот когда у меня из-под ног стал уходить фундамент детства, и я подышал, испытывая очередной подростковый кризис, единственным спасением был рок. Казалось, что я попал в какой-то замкнутый контур своего развития и все никак не могу прорваться на другую сторону.

В то время мне я познакомился с самой крутой девчонкой нашей школы: я часто играл на фортепиано в актовом зале, и она меня приходила послушать. У нее были длинные загорелые ноги и улыбка, превращающая меня в животное. Ее грудь была свежа, как весенние цветы. С этого все и пошло. Я стал писать стихи, пытаюсь воспроизвести в них музыку рока.

Моя жизнь всегда была для меня чем-то вроде очага напряженности, горячей точкой, эпицентром международной нестабильности. Мы собирались в центре города у памятника, все чудачки окраин, которые спасались от реальности, слушая рок. Это было племя во многом похожих людей. Мы часто гостили друг у друга, и иногда оставались в гостях на ночь.

В школе мне так часто говорили, что я немного странный, что было очень волнительно обнаружить людей, похожих на себя. В этой тусовке у многих за плечами было несколько попыток суицида и повышенная мнительность, алкоголизм и наркомания, депрессивность и нигилизм.

Подростковый период, затянувшийся на десятилетия. Куда податься, когда дома ты всем в тягость, на улице ты бродяга *Дхармы*, а в университете беспросветный троечник. Не участвуешь в межвузовских научных конференциях, спортивных соревнованиях или студсоветовских собраниях. Да, в обществе тебя ждет запрограммированная жизнь, но только если ты не аутсайдер. Потому что программ для аутсайдеров не существует.

Как и всякая другая утопическая структура, хипповая тусовка – это своего рода коммуна, осознающая невозможность как раздельного выживания, так и совместного целеполагания. *Моррисон* говорил: я выбираю праздник с друзьями и не хочу веселья в толпе.

Настоящий rock'n'roll. Джинсы и солнце. Газоны общественных мест, центральные площади, памятники, парк консерватории. Не нужно искать работы. Пока ничего не нужно, почти ничего. Моя девушка, хорошенькая зеленоглазая девчушка с длинными светлыми спутанными ветром волосами, смотрит на меня и улыбается, говорит добрыми словами. Она просто психоделический цветок.

Мы здесь вдали от всех, словно высадились на Луне. Ее рот порхает, как бабочка. От нее пахнет материнством и блядством. Вся в моей слюне, как в ЛСД. Яркое лето, яркое платье, яркий язык, яркие минуты, яркие паузы, яркие улыбки. Ее грудь – луг, на который она выводит меня погастись. Спасительное безумие. Мы лежим на траве, голые и странные, как ночные дожди.

Мы путаем слова и руки, языки и гениталии. Спасение. Она знает, что я пишу роман. О чем он? О тебе. Я не понимаю, это такая помада или у нее настолько налились кровью губы. Мы играем в индейцев. Я старейшина племени, курю трубку и говорю разные важные глупости. Она занимается собирательством. Сегодня мы съели 5 кг яблок. Природа и человек.

Я начинаю чувствовать возникшую между нами гармонию, пожирающую нас, как чума. Музыка заживо сваренных в любви тел.

When the music's over,
Turn out the lights!

СТРАХ ОСЕНИ

Сейчас за окном покрапывает дождь, скоро осень. Окончание лета ассоциируется у меня с окончанием мира. Потом анабиоз. И попытка воскреснуть.

Этот роман, очевидно, совершенно не следовало писать. Как бы я его не писал, сюда не войдет самое главное. То самое, что я собирался сказать, передать, осмыслить, разделить с кем-нибудь еще. Поэзию своих исканий. Кто знает, может, когда-нибудь стихи будут раздавать в качестве гуманитарной помощи.

Осень – время ангелов. Да, у нее были ангельские черты лица. Ее можно было сфотографировать, а затем молиться этой фотке, как иконе. Ее родители очень стильно ее одевали. Она очень хорошо училась. Я в то время ходил к ней заниматься

химией. Некоторое время мы смотрели в книгу, а потом переходили к более занятым вещам. Как только я хватал ее за зад, происходила телепортация. Я улетал к зеленым человечкам. А потом прилетал в ее беленькую свеженькую повизгивающую мордочку. Ее родители звали нас смотреть телик или пить чай. Но разве есть что-то слаще юности, исследующей себя.

Когда мы были на людях, она поглядывала на меня и улыбалась. Что она со мной в те годы делала. Потом она повзрослела и стала мотаться на всякие тусовки. Ее называли «отпадной телкой». Со временем она стала вести праведную жизнь, все еще делая мне поблажки в память о нашей дружбе. По ее небольшому миленькому ротику никто бы не сказал, что она уже который год ловчила пропускать член в трахею. У нее появились кавалеры, какие-то придурки с аккуратно подведенными пидорскими бородками. Они писали ей восторженные стихи и снимали ее в любительских фильмах, брали с собой в походы и дарили цветы. Она отошла от меня. Ей нравилось быть недотрогой. Я помню ее поклонников, вечно караулящих ее возле подъезда.

Она ходила в какие-то кружки авангардного искусства, в которых каждый чудачил, как мог. Мы еще время от времени продолжали валять дурака. Она шла ставить кофе, а я в уме корректировал составляемую мной карту ее эрогенных зон, которые почему-то меняли свое расположение и перемещались, как циклоны. К ней приходили подружки, и она просила меня накинуть на себя что-нибудь подходящее. Я отказывался. Я не верил в одежду. Я и сейчас в нее не верю. В то утро я слышал в себе тончайшие переливы баховских гармоний.

Потом она вышла замуж, и мы перестали с ней видеться. Иногда, когда я встречал ее прогуливающейся с ребенком, мы болтали с ней о том о сем, как самые близкие друзья на свете. Мы в основном говорили о рок-н-ролле. Она теперь одевалась очень элегантно, ее преуспевающий муж еженедельно менял ей гардероб. Куда подевалась та девочка в просвечивающем цветастом сарафанчике и тяжелых доктормартиновских ботинках, мечтающая о большой индийской любви. Я смотрел на эту полную благородства и значительности матрону и мечтал засадить ей снова. Но и я и она прекрасно понимали — это уже невозможно. Пока в нас жил рок-н-ролл, мы могли делать все. Мы были свободны и внеклассовы, юны и воздушны. Так или иначе, с рок-н-роллом всегда кончается и юность. А вместе с ней и надежда на перемирие с миром.

Для некоторых людей лето не приходит никогда. Сегодня с самого утра я ждал этого вечера. Я узнаю о приходе вечера по музыке в радиоэфире и по какому-то странному тягучему ощущению. День обнажает физические недостатки, а ночь – духовные. Я наконец встречаю ее. Ее бедра тоже источают вечер. Мы в не по-летнему теплой одежде. Я играюсь с ее фенечкой на запястье – несколько разноцветных пластмассовых кусочков. У нее такая нежная кожа. И она пахнет желанием. Я понимаю, что не справлюсь с ней, даже если у меня будет сто рук и сто членов. Вдруг мимо пробежал белый кролик с красными глазами. Я сразу узнал в нем свой взгляд. Правда, Кролик на бегу говорил: «Ах, Боже мой, Боже мой! Я опаздываю». Это показалось мне очень странным. И я вскочил на ноги и побежал за ним. Некоторое время я, сгорая от любопытства, бежал за ним, но потом он набрал сверхзвуковую скорость. Единственное, что я успел заметить, так это то, что он юркнул ей под платье. В тот же миг я юркнул за ним следом, не думая о том, как же буду выбираться обратно. Нора сначала шла прямо, ровная, как туннель, а потом вдруг круто оборвалась вниз. Не успел я и глазом моргнуть, как стал падать, словно в глубокий колодец. То ли колодец был очень глубок, то ли падал я очень медленно, только времени у меня было достаточно, чтобы прийти в себя и подумать, что же будет дальше. Сначала я попытался разглядеть, что ждет меня внизу, но там было темно, и я ничего не увидел. Тогда я принялся смотреть по сторонам и увидел роскошные интерьеры. Я определенно был приглашен на бал.

Дождь всегда напоминает о скором конце чего-то. Неужели кому-то нужен дождь? Заратустра слушал Pink Floyd. Где-то вдалеке под проливным дождем гуляет какой-то романтик. Я приглядываюсь и узнаю себя. Мое существование, прильнув к моим глазам, оторопело наблюдает происходящее. Фонари пульсируют, как жила. В бурлящем энергетическом потоке сна плывет мое бесчувственное тело.

Я вконец обессиленный лежу на диване, пью кофе и шевелю пальцами на ноге. Я словно перезревший фрукт, упавший с дерева. Если б не музыка, которую я сейчас слушаю, я бы давно уже заснул. Хотя половина моего тела наверняка уже спит. Я слышу гудящий за окном летний холодный дождь. Гроза бьет каждые десять минут. Сильный ветер. Мои только что выстиранные и вывешенные носки унесло во вселенную. Мне плевать. Мусорное ведро головы целиком в скомканных мыслях.

Рабство. Я всегда боялся этого слова. Поэтому я всегда от него скрывался. Но оно меня всегда находило. Странная вещь. Оно проникает всюду. Сквозь толщу подземных конструкций метро и пестроту супермаркетов, через знакомые квартиры и проверенных людей. Оно действует быстро. Оно может проявлять себя настолько разнообразно, что мне даже начинает казаться, что это какой-то инопланетный вирус. Как в фильмах ужасов, где подобный вирус, проникая в человека, подавляет его личность и превращает его в чудовище, используя его психосоматику для реализации своей сверхзадачи. Оно может принимать образ прекраснейших девушек и кишечных червей, оно может стать вашей головой, правой рукой или членом. Оно может принимать облик наших близких и друзей.

ОДНОСТОРОННЕЕ ДВИЖЕНИЕ

Я вижу раушенберговский дорожный знак. Именно его я себе представляю всякий раз, как гляжусь в зеркало.

Обычно мы прячем свои крики в зеркала. Мы зарываемся в зеркала, словно страусы, прячущие свою голову в песок. Зеркало – это в первую очередь носитель информации, такой же как диск, кассета или книга. Мы можем прокрутить в зеркале всю историю нашего отражения – от криков до молчания, от плача до смеха, от негодований до полной отрешенности. Только зеркало помнит нас такими, какие мы есть, такими, какими мы себя уже не мыслим. Поэтому очень часто, заглядывая в зеркало, мы не узнаем себя. Когда-то Борхес, цитируя кого-то из философов, сказал, что зеркала и совокупление отвратительны, поскольку умножают людей. Но зеркала и совокупление также и восхитительны, поскольку сохраняют людей в первозданном виде.

Мы уверены, что видим себя в зеркале. Мы уверены, что при желании можем прикоснуться к другому себе. Мы уверены, что существуем. Зеркало и вправду лучшее доказательство нашего существования, но далеко не убедительное. Мы видим себя только в мнимом изображении, формируя зрительный образ мнимого “Я”. Мы живем в мире мнимых вещей, которыми время от времени пользуется человек из зеркала. Бреется, чистит зубы, расчесывается, примеряет одежду или

обувь. Что бы мы ни делали, в нашем понимании окружающего нас мира вне зеркала мы не существуем. Мы невидимки для самих же себя. Мы подслушиваем самих же себя. Мы подговариваем себя. Мы утомляем себя. Мы провоцируем себя. Мы подстерегаем себя. Мы пытаемся застать себя врасплох. Мы хотим иметь власть над собой. Мы хотим эксплуатировать себя в своих же интересах. Мы хотим поработить всех вокруг и в первую очередь себя. Мы хотим научиться выгодно продавать и покупать себя.

Мы то экономим себя, то рачительно расходуем. Если была бы такая возможность, мы наверняка выдавали бы себя остальным по карточкам. Чтобы люди всю ночь стояли в очередях, сдыхали от холода и голода, и съедали друг друга, - а к утру сильнейшие смогли бы наконец отоварить свою потребность в нас. Зеркало приводит нас в чувство. Оно подтверждает то, что мы еще не закончились. Нас еще осталось. И мы можем продолжать.

Зеркало – это одностороннее движение. Но наступил миг, когда зеркало ответило, но оно говорило со мной моими словами. Это был сон наяву.

Она выдвинула вперед правую ногу и замерла в спринтерской позе. Я сменил батарейки на своем плеере. Пленка была совсем зажевана. Она была частью этой пленки. Она побежала вглубь меня. Я побежал вглубь нее. Мы разминулись.

Этот бег был слишком длинной дистанцией. 8:30. В это время я обычно снимаю с себя надежды. Я надеваю носки, и когда они заканчиваются, я ставлю их на реверс. Мы выходим. В мороз она говорит мне теплые слова. В тот день на своем пути я встречал разных людей. И все одинаково мне удивлялись.

Ее улыбка открывалась наружу и вовнутрь. Я стоял, потупив взгляд, несколько минут я перебежал глазами от ее груди к заднице и наконец спросил: а как зовут твою улыбку? И тут у ее улыбки родилось несколько щенят. Они завертели хвостиками и, щурясь от яркого весеннего солнца, побежали за нами вслед. А когда мы куда-нибудь летели на самолете, ее улыбка была настолько тяжела для ручной клади, что нас просто заставляли сдать ее в багаж. Улыбки – это самостоятельная цивилизация. Улыбку можно добавлять в обед для вкуса. Улыбка – лекарство от морщин.

Среди людей на улице я то и дело встречал старину Георга Гросса. Он в основном молчал – только показывал, на что мне следует обратить особое внимание. Единственное, что я от него слышал: «Женщины опасны, как бритва».

Чтение – это всегда зрение плюс слух. И это такое же вглядывание в зеркало. Поэтому здесь можно упомянуть и о китайских металлических зеркалах, которые имели сферическую форму, чтобы глядящий одновременно мог услышать и свое эхо, отраженный от своего изображения звук, свой звуковой портрет. Метания между иконически-изобразительным и символически-вербальным. Копии, наводнившие дополнительными смыслами наши представления о себе, и стершие различия между реальным и мнимым. Я не хочу возвращаться в эту пустыню зеркал.

Сейчас мне становится все понятнее, что во всех предметах и идеях, окружающих человека, он видит перекодированное отражение себя. Человек ищет человека-зеркало. Только его он всегда хотел бы видеть рядом с собой. Этот человек ему необходим, поскольку позволяет ему увидеть себя, выделить свое Я из неустанно работающих, бесконечно спешащих и энергично копошащихся насекомых муравейника жизни. Человек видит себя только через других людей. И поскольку все эти люди представляют собой кривые зеркала, каждое из которых отражает на свой лад, человек перестает воспринимать себя в качестве единого целого. Он постоянно мечется среди все разрастающегося количества своих отражений. Он становится множеством.

Семантика возможных миров, где действительный мир не занимает никакого привилегированного положения. Альтернативные реальности с бесконечным множеством альтернативных меня. Что нас связывает?

Детективная истина, поставленная в зависимость только от свидетелей события. Проблема свидетеля. Событие, превращающееся в гипертекст.

Наша жизнь, как совокупность событий, определенным образом связанных между собой. Это напоминает словарь или энциклопедию, где каждая статья имеет отсылки к другим статьям этого же словаря. Жизнь в данном случае превращается в запутанный лабиринт событий, нелинейно чередующихся и бесконечно множащихся, выбраться из которого невозможно.

Любая хорошая книга – всегда гипертекст. Неслучайно герои сказок ассоциировали зеркало с книгой, прячась то в книге, то в зеркале.

Зеркало – всегда книга, которую способен прочесть и неграмотный. А книга - всегда зеркало, проецирующее читателя на мнимые факты, не имеющие прямого отношения к реальности.

Во время одной из моих вечерних прогулок мне показалось, что небо превратилось в зеркало, и я отражаюсь в нем в виде усыпанного звездами небосклона. Я почувствовал себя точкой, в которой фокусируется весь свет, идущий от живых и мертвых звезд.

ИКЕБАНЫ СНОВ

Моя жизнь, как один огромный сон. Когда даже Нью-Йорк можно представить в виде огромного волшебного леса высоких и низких зданий с множеством светлых лесных полян, на которых расцветают разноцветные цветы автомобилей. Обычно в такой ситуации я себя вижу хищником, отбившемся от стаи.

По вечерам, когда день уже закатится за горизонт и кажется, будто он никогда не вернется, я выхожу на улицу и иду к своим качелям, расположенным на территории небольшой детской площадки. Обычно я иду туда к полуночи. Когда по моим расчетам площадка должна быть безлюдна и прохладна. Но сегодня - только я сел на свои качели, как со всех сторон посыпало детьми и их родителями. Я продолжаю сидеть на качелях, напуская на себя отрешенный вид. Несколько детей, с опаской поглядывая на меня и проходят мимо. Вдруг в глубоком ночном черном небе замигал самолет – и я понял, что не могу отличить эту ситуацию от сна. Откуда все эти дети? Реальны ли они?

Когда я пытаюсь взглянуть на себя со стороны, мне всегда на ум приходит Босх. Терзаемый искушениями святой изображен в центре композиции, среди кишаших повсюду его мучителей – демонов. Он смотрит в сторону зрителя, стремясь убедить его в том, что не уступит натиску дьявола, поскольку верит, что находится под защитой; к тому же его рука поднята в жесте благословения. Тот же жест делает и

Христос, помещенный в глубине, в сакральном пространстве. Справа цилиндрическая башня с монохромными рельефами – изображениями символов идолопоклонства. И повсюду поражающие воображение невероятные существа, как бы привидевшиеся в галлюцинациях, а на фоне сцены пламя пожирает город. Слева два эпизода: лишенный смысла переход по мостику с помощью лиц в светских платьях и полет в небесах, сопровождающийся скопищем демонов и насекомых. И наконец где-то позади грациозный облик принцессы-искусительницы, чья поза свидетельствует о ложном целомудрии. Совершенно обнаженная, она с завуалированным лицом декламирует лирические стихи. Ее слуги в это время сервируют пиршественный стол, на котором местами встречаются блюда из человеческой плоти.

В тот день я шел домой и думал, что же меня может на самом деле удивить. Никто на всем белом свете не удивляет меня. Никто на свете и палец о палец не ударит, чтобы меня удивить. А мне позарез нужно удивляться.

Истинных удивлений случается крайне мало. И всякий раз, как это происходит я ощущаю присутствие бога. Он мне говорит: «Петросян, ты меня звал - и я пришел, в следующий не дергай меня по мелочам». Я его понимаю, он то давно перестал удивляться, а мне приходится восстанавливать в душе тонны дерьма, прежде чем в нем начнут проявляться хоть какие-то крупинцы удивления.

Вечером, когда я немного отошел от пройденных за день световых лет, я лежал на диване и потухшим взглядом смотрел на возвышающуюся в окне телевизионную вышку. В то время я собирал все необходимые документы для защиты своей диссертации. Я никогда не представлял себе, что бюрократия может зайти так далеко. Я бегал от одного к другому через третьего который отсылал меня к четвертому, а тот советовал мне сначала переговорить с пятым чтобы последний назначил мне встречу с шестым, который скорее всего представляет интересы седьмого. И так до бесконечности. Каждый из необходимых к представлению документов давался мне таким потом и кровью, что я всерьез задумался над возможностью выставить все подписанные и удостоверенные всевозможными печатями образцы документов как произведение концептуального искусства. Все уже собранные мной документы казались мне такими красивыми, они представлялись мне красивее и

совершеннее Джоконды, они были воплощением самой красоты. И она меня сильно завораживала.

Удивление - чего оно стоит теперь, когда я понял, что от смешного до великого нет никакого одного шага: смешное и великое — это одно и то же.

ДЫХАНИЕ ЦВЕТОВ

Человек — это ходящий цветок. Ночь возвращает человеку себя. А жизнь начинает осознаваться как поток, беспрестанно меняющий свой состав. Дыхание начинает просыпаться и прорастать в человеке. Космос резонирует в тебе, передавая свой импульс витальности. Теперь вся твоя жизнь всего лишь длительность, на фоне которой разворачивается очищенная от всевозможных ментальных мотивов всемирная история дыхания. Беспредметность дыхания, воплощающаяся в едином вдохе, прокатывающемся по всей планете и откатывающемся выдохом. Сознание, погруженное в Абсолют, подобно чаньскому сатори. Единственный из известных нам механизмов соединения рождения со смертью.

4:23. В эту ночь я снова не могу уснуть. Конец августа. Я лежу и молчу, уставившись в потолок. Мои мысли спутаны. Я не могу разобрать ни одного слова из бесконечного набора пропущенных через сознание, а также не дошедших до него мыслей. Я подхожу к открытому окну. Несмотря на духоту в комнате, за окном почти холодный ветер. Я вижу погруженный в сон город, плывущий где-то вдалеке по небу, как какой-нибудь базовый корабль инопланетян. Линии горизонта в этот час не существует. Безотчетная тревога, страх и тоска одновременно. Но я буквально вижу ветер. Он пробегает по двору, эстетски колыхая деревья и звезды. Обветренные губы автомобилей и бездомный свет муниципальных контор. Я набираю в легкие побольше воздуха и вдыхаю ветер.

Дышать. Просто глубоко дышать. Вдох-выдох, вдох-выдох. Запах ветра всегда пробуждает во мне воспоминания детства. Ночь всегда пахнет детством. И каждый мой сеанс дыхания лишний раз подтверждает эту странную связь. Дыхание по ночам, когда все пропитано воздухом, идущим прямо из сновидений спящих.

Обычно днем никогда не замечаешь своего дыхания. Ты просто дышишь на фоне разворачивающейся вокруг тебя картины жизни. Твое дыхание предметно, оно составляет часть твоей собственности, твоей среды обитания. Ты посвящаешь свое дыхание своему настроению и благосклонному отношению близких людей. Ты окружен свидетелями твоего жизненного пути, мельчайшие обстоятельства которого сидят у них в памяти. Ты и не замечаешь, что являешься рабом подробнейшего архива о себе, хранящегося в тысячах окружающих тебя голов, ожидающих от тебя определенной индивидуально-личностной отдачи. Твое дыхание заложено в оплату денно и ночно множащихся социальных счетов, предъявляемых твоему Я. Твое дыхание зарифмовано и запротоколировано. Твое дыхание измерено и поставлено на учет. Твое дыхание – просто физиологический процесс, не сопровождающийся никаким единением с твоим Я, замурованным в круг предписанного поведения.

Ночью же человек остается один на один со своим существованием. Он сбрасывает с себя маски и может, наконец, насладиться разговором с самим собой без свидетелей. Ночь как долгожданное свидание с собой. Человек – это всегда оборотень наоборот: днем он кровожадное чудовище, ночью – человек. И ему приходится приложить все усилия, чтобы скрыть от всех, что по ночам он еще бывает человеком.

У нее достаточно сельское, но исключительно оригинальное, изумительное лицо. Раздавшаяся грудь, свежая, пышущая жизнерадостностью и сентиментальностью, возможностью включиться во всевозможные извращения, невинностью и трепетностью сосков. Полных, темно-красных, мягких и шелковистых, растворяющихся во рту подобно кофе – немножко горький, но пьянящий вкус. Я не могу удержаться. Я подбегаю к ней и знакомлюсь. Ее мать видит нас из окна и зовет ее наверх. Она очень неловко, но многозначительно мне улыбается и исчезает в темноте подъезда. Я уже сам не свой. Несколько секунд тишины. Я словно сгораю на костре своего же желания. Я словно сам себя ловлю, пытаю и приговариваю – и нет мне пощады. Непрерывающаяся боль бесцельного существования по утрам и вечерам. Мечты, закодированные в эмоции. Лейбниц и барокко. Начинается ночь. Яркие спелые звезды. Аквариумные рыбки глаз и их жалкие размалеванные ксерокопии.

Отсутствие всякой мысли о моральном и аморальном. Ее отношение ко мне напоминает безразличие бога, посылающего солнце и дождь, благоденствие и голод, счастье и горе без оглядки на человека.

Можно ли ради любви перешагнуть через мораль? Нравственный закон всегда был и остается акробатическим трюком, огненным кольцом, через которое мы прыгаем туда и обратно, как цирковые хищники или клоуны. Хотя любовь и выше всякой морали, что-то нас по-прежнему в ней смущает. Ни одно существо, даже самое любимое, которое платит тебе тем же, никогда не принадлежит тебе совсем. На жестокой земле, где влюбленные часто умирают врозь, а рождаются далеко друг от друга, полное обладание другим существом, абсолютное единение с ним невозможно. Все мы просто жалкие омерзительные гусеницы, ожидающие своего часа превратиться в бабочек.

Мы, время от времени отрицающие свою личность, подобно тому, как некоторые животные в борьбе с врагом оставляют некоторые члены своего тела внезапно ампутированными.

ПОЛЯ НАДЕЖД

Чего я жду, когда сижу перед пустой страницей и не знаю, что бы такое написать. Все, о чем я хочу писать, невыразимо. Это боль. Как написать боль? Как написать разочарования? Как написать одиночество? Как написать редкие дни счастья? Что я жду от себя? Что я жду от других? Иногда я уже не понимаю ничего из того, что хотел сказать до этого, и мне начинает казаться, что я уже окончательно спятил. Желания как карусель чувств. И чем дольше желание не реализовывается, тем дольше вращается эта карусель, с каждым новым витком вызывая все новые осложнения прежних ощущений – солнце превращается в головную боль, мечтательность - в тошноту, а любовь - в страх.

Я ожидаю перемен, как маньяк, нетерпеливо выжидающий свою жертву. Трансфер – боль – гипноз. Но я ожидаю только перемен. Ни на что другое я не согласен. Я по-прежнему жду ситуаций, в которые может поместиться только один человек, или два, но очень близких человека.

Иногда перемены не происходят годами. И тогда начинаешь сомневаться в их существовании. Даже самый, казалось бы, благополучный период жизни нуждается в перемене и, как правило, кардинальной. Каждый по-своему решает такие “простои”. У меня таким решением является творчество. Это обычно начинается в момент, когда я лежу с вывихнутыми воспоминаниями, не имея возможности пошевелиться. Я замираю и превращаюсь в змею, смотрящую одним немигающим взглядом. А иногда, когда предмет моего наблюдения особенно возбуждающ, я смотрю одновременно пятью или шестью взглядами. Причем каждый из взглядов мешает осознаваться другим.

Например, когда я смотрю на ее грудь:

1-ый взгляд видит ее разноцветный топик, который сразу же увязывается с цветами радуги, которые в свою очередь прирастают к финалу эпизода из курасавского фильма о снах, где маленький мальчик случайно застает в лесу процессию красочно одетых оборотней и вскоре вынужденно отправляется на их поиски, которые заполняют атмосферой блуждающей где-то поблизости истины, которая перескакивает от субъекта к объекту и обратно, которые вступают друг с другом в спор за право называться “Я”.

2-ой взгляд рассматривает ее грудь без одежды, о которой достаточно красноречиво описывается в одном комедийном негритянском фильме, где элементы абсурда тесно переплетаются с современной политикой США в отношении афроамериканцев и в котором сын читает отцу на ночь “сказку”, - являющейся на самом деле отрывком из какого-то порнографического романа, - и отец удобно устроившись в своей постельке мастурбирует под одеялом и засыпает сразу же после оргазма.

3-ий взгляд погружается в ее улыбку, обведенную красной помадой, отдающей настроением с букета цветов, увиденного мной вчера, когда его на моих глазах подарили чрезвычайно миленькой и ужасно нравящейся мне девушке из соседнего здания, отчего ярко красные бутоны цветов стали вылезать из букета, подобно огнедышащим головам стоголавого дракона.

4-ый взгляд остановился на ее часах, показывающих время, способное на глазах уменьшать и увеличивать людей, растягивать их и сжимать, а также возрождать или стирать с лица земли, полученной в результате манипуляций оставленного в наследство отцом кота в сапогах, перехитрившего людоеда в главном – способности пожирать живое.

5-ый взгляд устремлен в ее глаза, наполненные оттенками картин абстрактного экспрессионизма, превращающего предметы в кляксы, которые уродуют школьные тетради, принося своему автору “двойки”, жестко осуждаемые родителями, спешащими отправить ребенка спать, чтобы отпраздновать годовщину своей свадьбы в компании купленных по случаю из секс-шопа садомазохистских примочек.

6-ой взгляд ложится ей прямо на руки, подобно мордочке преданной домашней собачки, подносящей тапочки и учащенно виляющей хвостиком, который виляет еще интенсивнее возле каждого вкусного кусочка валяющейся на асфальте обглоданной косточки на прогулке, и это становится решающим для двух подростков, целующихся неподалеку.

Кубизм как основа романтического мирозерцания. Верный признак перемен – шевеление ночи. Мозг как вторичный половой признак.

Пруст говорил, что писатель изобретает в языке новый язык – язык своего рода иностранный. С тех пор, как я стал писателем, я говорю только на этом языке. На этом языке говорят только единицы, поэтому я практически никого не понимаю.

Хороший роман – всегда сборник заклинаний.

Люди произошли от обезьяны, а писатель – от книг. У Кафки чемпион по плаванию не умел плавать.

И вообще мы, писатели, подобны индейцам намбиквара, рисуящим на бумаге всевозможные линии и пунктиры, призванные взять на себя функцию письма, но ничего интеллектуального не обозначающие. Как партитуры авангардистов.

Человек с книгой. Поистине завораживающее, гипнотизирующее зрелище. В парке на скамейке. Когда вся трава особенно ярка и свежа, а освещение напоминает антиутопические фильмы. Как часто мы зависаем в мыслительных континуумах? Когда мысль начинает делиться, как биологическая клетка. Мы делимся вместе с мыслью. Нас становится много. Мы не знаем, что нам с собой делать. Одновременно и свои внуки и свои прадеды. Мы перемещаем начала своих историй от эпизода к эпизоду.

Я читаю книжку “Мир человека как субъекта производства”. Спрятался за книгу. Фразы, маячащие в моем сознании, уносят меня далеко отсюда. Но какое-то невыносимо жгучее желание, витающее в воздухе и нагнетающее его до страшного

электростатического напряжения, разрывает мои фразы, подобно финальному взрыву в антониониевском "Забриски Пойнт". Я еще как-то пытаюсь соединить эти кусочки, но тщетно. Я привязан. Я привязан к происходящему вокруг меня, как воздушный змей на нитке. Такое освещение – просто рай для письма. Я ныряю из блокнота в книгу, из книги в блокнот. Иногда я проделываю показательные выступления. Как дрессированный дельфин. Это какой-то транс. Индивиды, субъекты, рабочая стоимость и капитал – все это здесь в природном виде. Я наблюдаю это. Я человек с книгой. Я - человек, прикрывающийся книгой, как фиговым листом, изгнанный из рая. Я – как Персей, борющийся с Медузой Горгоной общества и глядящий в книгу как в волшебный щит, способный отражать лик ужаса, но не поддающийся его чарам.

Видимо, ожидание уже само по себе перемена.

ШИПЫ ВЛАСТИ

Деньги – это форма жизни. Как ген или мем. А люди – разносчики этой формы жизни, ее среда.

Деньги действуют независимо от людей. Они сами решают, к кому перебежать и зачем. Деньги продуцируют власть, подобно тому, как дрожжи продуцируют этанол. Власть – это эффект Пастера.

Обычно мы связываем деньги только с властью, а власть только с деньгами. Мы преклоняемся перед деньгами, как язычники, подносящие своему идолу самое ценное, в надежде получить что-то еще ценнее. С каждым новым правительством, спешно перетасовывающем классы, мы понимаем зыбкость и абсурдность своего положения. Мы хотим получать от жизни лучшее и связываем это лучшее только с наличием определенного количества денег. В самом ли деле на деньги можно купить все? Почти все.

Интересно, что некоторые племена индейцев считают богатыми тех, кто знает больше мифов, танцев, участвовал в наиболее известных боях или религиозных ритуалах.

На одной из лекций по теории экономики бывший коммунист и ярый партийный функционер профессор объяснял мне, что капитал – это сила, накладывающая на человека огромную ответственность за всех людей, работающих на этот капитал. Он рассказывал о телевизионном интервью с одним из виднейших бизнесменов планеты, который, несмотря на свой весьма преклонный возраст, не собирался уходить из бизнеса. Он объяснял это тем, что его дети не имеют организационного дара, а управлять бизнесом – это божественный дар, ведущий к созиданию общественно значимых продуктов, без которых цивилизация не сможет существовать. У него на заводах работало где-то около полумиллиона человек, и он говорил, что не может оставить их всех на произвол судьбы. Его жизнь – гарантия жизни и благополучия всех его подчиненных. Я стал спорить с профессором. Это все равно, что благодарить работоторговца за то, что он кормит своих рабов.

Все мы каждую минуту парализованы боязнью потерять вместе с деньгами мир. Мир, в котором мы живем. Мир, в котором нас принимают за людей.

Меня просто выводит из себя расхожая фраза о том, что прежде, чем что-нибудь получить, необходимо это заслужить. Как правило, об этом говорят люди, достигшие чего-то за счет преодоления своих моральных границ. И оказавшись за буйками, они понимают, что возврата нет, их относит течением в открытое море дегуманизации.

Вообще “денежная” тема всегда мне напоминает рассказы о газовых камерах Освенцима, которые, как известно, были оборудованы “со знанием дела”. Это был настоящий завод по переработке человеческой плоти со множеством специализированных цехов. Инженерное проектирование цехов поражает до сих пор. В Освенциме все было продумано до мелочей – конструкция камер, поточная линия, гибкая система премий работникам, организация системы стока крови, цвет кафеля, организация рабочего места и т.д. На этом “заводе” также особое внимание уделяли экономико-психологическому проектированию. Так, существовал известный прием, шокирующий своей коварностью. Суть его состояла в том, что с целью обеспечения спокойствия среди идущих на смерть заключенных, работники соответствующего цеха (которые в силу гибкой системы оплаты “труда”, были кровно заинтересованы в бесперебойной работе доменной машины смерти) предупреждали идущих на смерть людей, чтобы те запомнили номер крючка, на который вешают одежду с тем, чтобы не возникло никакой неразберихи после “дезинфекции”. “Рациональная” подпитка иррационального мотива,

способствующая притуплению или же полному подавлению страха. И если плакали дети, их утешали родители. Они шутили с детьми, смеялись и разговаривали. То же самое происходит и с нами. Мы стоим в той самой длиннющей очереди за общественными благами, не осознавая, что идем на верную гибель. Правительство же настолько изощрилось в изобретении психологических приемов притупления критического сознания, что даже при всем желании массы государственную политику практически не в чем упрекнуть.

В одной из книг по проблемам неопознанных явлений человеческой психики я наткнулся на эксперименты Хилгарда. Так, Хилгард ввел в науку понятие скрытой боли (covert pain). Речь идет о боли, не достигающей сознания.

Помимо этого, после работ Мелзака и Кейси в нейрофизиологии появилось различие двух компонентов боли – “восприятие боли” (sensory pain), играющее чисто информативную роль (сообщение о локализации и интенсивности стимула) и “переживание боли” (suffering pain), представляющее страдание, субъективный аспект боли. Это различие было установлено после того, как было обнаружено, в частности, что больные, перенесшие префронтальную лоботомию, продолжают воспринимать болевые стимулы, но это восприятие лишено всякого элемента страдания.

Сейчас я нахожусь на перепутье. Я не знаю, чем мне заниматься дальше. После девяти лет университетской пытки обучения экономическим и смежным с ними дисциплинам, я наконец официально откосил от армии. Теперь я в каком-то смысле свободный человек. Но если я буду продолжать работать “по специальности”, это сведет меня с ума. Я человек здоровый, творческий, хороший и добрый я человек. Одним словом, привлекательный я человек во всех смыслах. Это особенно тяжело, когда люди соревнуются между собой в своей возможности не замечать меня. Всю свою жизнь я искал что-нибудь, во что можно было бы поверить, может даже какую-нибудь религию, способную примирить меня со своим собственным миром, и нашел это в Искусстве. Теперь же, когда я не могу заниматься тем, что дает мне импульс продолжать и верить в себя, я даже не знаю. Необходимость иметь собственные деньги заставляют меня стать самостоятельным. А я всегда разделял понятия “самостоятельный” и “независимый”. В такие моменты я часто подхожу к зеркалу и подолгу смотрю себе в глаза, потому что глаза – это стоп-кран.

Вчера по пути в универ мне повстречалась моя одноклассница, набитая дура каких мало. Она была известна на всю школу тем, что очень любила секс. Теперь когда этой нимфоманке под 27 и дела ее юности давно позади, она пытается заглушить в себе комплекс шалавы (как я его называю) обилием как можно большего числа обидных фраз в адрес людей, каким-то образом связанных с ее отвязным прошлым.

Так вот, эта моя одноклассница была со своей прыщавой и тщедушной подружкой, у которой была просто неопишимо жуткая конструкция задницы, похожей скорее на сложенную сломанную раскладушку. Вначале заговорила моя знакомая. Да, я же не описал ее. Это была крупная деваха с пышными волнистыми волосами и порочным лицом. Топик, прикрывавший большую, но дряблую грудь. У нее была узкая талия и большая мясистая задница. Она была в обтянутых джинсах, на руках фенечки, укрупненные до размеров наручников.

Итак, первой заговорила она. Поздоровалась и сразу спросила о том, что у меня происходит на личном фронте. Я сказал, что все нормально. Потом она сказала, что я слишком заучился, похудел, осунулся. А как с работой – нашел что-нибудь? Нет еще, но я постоянно в поиске. “В поиске” – это хорошо, если, конечно, он не затянется на всю жизнь. Она была конченная в школе и такой осталась до сих пор. Но я простил ее в сердце своем, ибо она не ведала, что творила.

В один из прекрасных солнечных дней начала лета я выполз из универа на солнце и решил смотаться в какое-нибудь место поинтереснее. Я вспомнил о приглашении со стороны одной приятельницы побывать в гольф-клубе, в котором она работает. Я решил навестить ее, тем более, что она достаточно сильно мне нравилась. Она на каникулы подрабатывала в этом клубе официанткой. Я купил себе колу, сел в туристический микроавтобус, проезжающий мимо этого клуба, который находился достаточно далеко от города, и поехал к ней. Через час мы уже подъезжали к этому месту. Шофер предупредил меня, и я сошел. Гольф-клуб располагался в престижнейшем дачном месте страны. У клуба стояло несколько крутых люксовых автомобилей. И мне становилось все интереснее и интереснее. Я вошел в помещение. У двери стоял какой-то свин и говорил по мобиле. Он несколько удивленно посмотрел на меня. Я был одет по-студенчески, как и всегда. На мне не было дорогих часов и прочей ерунды, которую так любит навешивать на себя номенклатура

постсоветских стран и ее выводок. Со мной не было длинноногой полуголой шлюшки в дорогом шмотье и босоножках от Прады. У меня не было тачки, мобильного и прочей атрибутики социального престижа. На меня косо поглядывали. Наверно меня принимали за журналиста, который готовит неприятный для них репортаж.

Телки поглядывали в мою сторону, поправляли сиськи, подкрашивали губы, перезванивались с охраной, базарили друг с другом и громко смеялись. Все пили пиво. Через несколько минут я встретил свою знакомую. Она вышла убрать с очередного стола и увидела меня. Я взял себе натуральный сок, сел в углу и стал смотреть в оба. Странное место. Как в сказках, когда Ивана-царевича собираются положить на противень, и все зависит от того, сообразит ли он перехитрить Бабу-Ягу. Я никогда не видел такого количества мудаков в одном месте.

Они разговаривают с ней очень фамильярно. Они спрашивают у нее про меня, типа, а это что за хрен, может надавать ему по рогам. Она сконфузилась, тупо улыбнулась и сказала, что это типа как мой знакомый, который приехал меня проводить. Один из них, дохляк лет 19-ти с зализанными желе редкими волосами, похожими на бред сивой кобылы, и пижонском прикиде, - посмотрел в мою сторону и спросил у нее, мол, не пристаю ли я к ней, а то в случае чего он может мне глаз на жопу натянуть. Она сказала, что нет, все нормально. Я читал по губам и с каждой новой минутой все больше удивлялся месту, в котором я оказался земную жизнь пройдя до половины. Через несколько минут она подозвала меня и представила меня этим уродам. Она угостила меня кофе, мы мило пообщались, держась за руки. Потом я уехал.

В том же гольф-клубе я увидел одного ублюдка, сына мэра, которому я преподавал микроэкономику и который не явился ни на одно занятие, а в конце семестра подошел ко мне и с каким-то омерзительным высокомерием попросил не ставить пока ему оценки. Я пошел ему навстречу. И вот через неделю, когда я сдавал ведомости с оценками в деканат, я увидел напротив его фамилии максимальный балл. Я вспыхнул - кто это поставил оценку за меня? Какого хрена! Декан попросил меня не успокоиться, а лучше поставить напротив оценки свою подпись и покончить с этим делом раз и навсегда. Я сказал, что не поставлю. А он сказал, что тогда у меня могут возникнуть сложности с моей предварительной защитой и практикой преподавания в аспирантуре. Потом он сказал, что вопрос блатных в этом вузе не обсуждается с библейских времен. Поэтому если меня что-то не устраивает, я могу катиться на все четыре стороны. Я не мог заваливать свою “преподавательскую практику”, от

которой зависело предоставление мне очередной отсрочки от армии, в течение которой я смогу защититься. И я скрепя сердце подписал. И вот теперь, когда я увидел этого уродца в гольф-клубе, среди девиц с кукольными чертами лица и всего лишь с одной извилиной и то между ног, - я почувствовал себя хреново.

Я не хочу, чтобы моя жизнь была поставлена на общественный конвейер. Чтобы через некоторое время она сошла с него как готовая продукция и поступила в оптовую торговлю. Чтобы моя жизнь была тщательно отлажена и продиагностирована. Чтобы мою жизнь ставили на полку в супермаркете и рекламировали по телевизору или в интернете. Чтобы на мою жизнь делали новогодние или прочие другие скидки. Чтобы мою жизнь уценяли или даже возвращали на склад. Чтобы мою жизнь сдавали на прокат и изнашивали до дыр. Чтобы мою жизнь продавали в секонд-хэнд. Чтобы мою жизнь распространяли через дистрибьютерскую сеть. Чтобы мою жизнь разводили в неволе или разогревали в полуфабрикатном виде. Чтобы мою жизнь снимали с производства и отправляли в музей. Чтобы мою жизнь реставрировали и делали частью экспозиции. Чтобы мою жизнь отправляли на свалку и утилизировали ее в жизнь кого-нибудь другого. Я не хочу такой жизни ни себе ни другим.

В одной из американских новелл рассказывается о трагедии молодого человека, который не живет, а влачит существование в мире, переживая его мучительную временность и безразличие. А по вечерам он смотрит войну, большую войну на маленьком экране. Иногда он наклоняется, трогает войну рукой и ждет, что его убьет.

ВОЛНЫ ВРЕМЕНИ

Всю свою жизнь я мечтал быть счастливым. Я искал счастье в обычных местах – дом, улица, школа, дружеская компания, дискотеки, филармония, вернисажи, вузы и втузы, транспорт. Потом я стал искать счастье в необычных местах – телевизор, магнитофон, книги, фильмы, интернет, телефон, водка. Я не нашел счастья нигде.

Иногда я вижу себя клоуном, идущим по улице, забитой людьми. Я прохожу в самый центр - меня уже окружают со всех сторон. Я говорю, что совершаю беспрецедентный трюк, и тут моя голова взрывается и из нее вылетают тонны серпантина и конфетти. А потом, мимо того, что от меня осталось, проходит мать с ребенком. Ребенок смотрит на мои останки и спрашивает: Мама, что это? Это пачка конфетти, - бесстрастно отвечает мать.

Я встаю ранним утром, хотя мне некуда спешить. Учиться я закончил, работать еще не начал. Я завариваю себе чай и сажусь за стол позавтракать. Я повторяю этот церемониал всю свою сознательную жизнь. Я сижу и думаю, что сегодня что-то должно измениться. Мир должен улыбнуться мне. И чем больше я сижу и повторяю доведенные до полного автоматизма движения, тем больше я убеждаюсь, что моя жизнь выскальзывается из моего сознания и растворяется в повседневности. Жизнь подобна вкусу чая. Маленькие и большие шалости, кружащие вокруг своих адресатов.

Я словно завис между своим прошлым и будущим. Прошлое и будущее в образах женщин, мягких и сочных изнутри.

Время – это всегда лабиринт. Мы любим время, потому что боимся его потерять. Весь фокус в том, что мы не знаем, сколько еще времени у нас на счету. Минута, час, век. Мы планируем свою жизнь в соответствии с очеловеченным, прирученным временем, а именно со временем, которого на самом деле не существует. Мы идем по его длинным коридорам с множеством всяких переходов, надеясь, что набредем на выход. Но выхода из этого лабиринта нет. Не поможет ни один алгоритм, ни одна система. Время – это саморазвивающийся организм, поглощающий события и выводящий из себя только память. Время дезориентирует. Время – это саморазоблачение сознания.

Я никогда не понимал логики своей жизни. Видимо, так уж получилось, что моя жизнь не принадлежит уже мне. Я посвятил свою жизнь Искусству. Может это несколько напыщенно звучит – тем не менее это факт.

Очевидно, что государство делает все, чтобы Искусство выродилось в развлекательный контент. Они превращают Искусство во вспомогательное производство. Они пытаются лишить человечество последнего шанса разобраться в себе и окружающем мире. И таких “художников” – миллионы. Академики, проповедующие искусство с вырванными зубами и остриженными когтями. Меня

просто тошнит от этого. И если это единственно возможный путь дальнейшего развития Искусства, то я буду первым, кто похоронит Искусство раз и навсегда. Я пришел в Искусство именно в тот момент, когда мне больше некуда было идти. И оно спасло меня. Оно дало мне силы бороться.

Вчера я встречался с одной очень интересной и красивой моделью. Я знаю ее еще по старым временам, когда она ходила в облезлых джинсах и светила надеждой и верой в исключительность человеческой природы. Я познакомился с ней будучи клерком в банке. Мы говорили о Булгакове. А потом я ее не видел около 3-х лет. Теперь она модель и снимается в видеоклипах, а также рекламных роликах. Я разговаривал с ней по старинке, просто и без выкрутасов. Я остался таким же, каким и был. А вот она изменилась. Она по-прежнему была со мной очень мила и предупредительна. Она стала еще красивей. У нее длинные шелковистые волосы и мягкий теплый взгляд. Но было в ней что-то жесткое, что-то озлобленное и тяжелое, как будто она раз и навсегда потеряла душевное равновесие. Она говорила о волчьих законах выживания в современном обществе. Но в то же время она была преисполнена готовности пуститься в это авантюрное турне по малограмотным и самодовольным работодателям. Мы говорили с ней о силе и слабости. Я видел в ней слабого незащищенного человека, играющего роль сильного и независимого гражданина достаточно благоприятной для жизни страны. Мы говорили о том, что мне скоро 26 лет, а я все еще клянчу деньги у родителей. И тут она сразу же решила, что я слабак. Удивительно, но она не первая в ком я замечал такую разительную метаморфозу. Я сказал, что собираюсь наконец работать, а раньше я не работал, потому что писал и защищал диссертацию. Мне было тошно, что мне приходится оправдываться.

Как я мог сказать ей, что никем кроме литератора работать не могу. Что любая работа, отрывающая меня от литературы, сводит меня с ума. Что я в этом смысле практически недееспособен. Что я как можно дальше оттягиваю начало моей работы. Я уже как-то работал, и чувствую, что с меня и этого вполне хватит. Нормированный рабочий день с 9-ти до 6-ти загонит меня в такую депрессию, что вряд ли я уже из нее когда-нибудь выкарабкаюсь. Как я мог объяснить ей то, что чувствую: ту пустоту, которая отделяет меня от всех остальных, то одиночество, которое ломает мне руки и ноги и выворачивает душу и мозги наизнанку, ту печаль, что гложет мне сердце, но время от времени все-таки возвращает меня в детство.

Потом она спросила, а что я еще делаю, кроме того, что пишу. Я сказал – ничего. Я просто не мог ей объяснить, что вся моя деятельность проходит на фоне ни на секунду не прекращающейся писаться во мне литературы. Моего единственного спасения. Моего счастья и моего горя. Моей свободы и моего рабства.

Она сказала, что не понимает таких людей, которые живут в нищете и занимаются каким-то там творчеством. Она сказала, что для здорового мужчины всегда найдется работа, а для человека с хорошим образованием (как у меня) вообще не должно быть проблем с этим, если, конечно, он не бездельник, дармоед или аморальная личность. Я молчал.

Я казался незащищенным и растерянным человеком, но внутри у меня кипела термоядерная сила и страсть. Я не пытался казаться крутым, но в этом, видимо, виновата моя внешность, которая всегда ставит меня в довольно затруднительные положения. Дело в том, что по моей внешности можно с уверенностью утверждать, что я из обеспеченной и влиятельной интеллигентной семьи, меняю телок, как перчатки, живу в самом центре, в курсе всех новинок и т.д. и т.п. Но по этому поводу я еще расскажу кое-что попозже.

Итак, она потом спросила, еду ли я куда-нибудь этим летом отдыхать. Но я сказал, что выехать из страны не могу, потому как моя отсрочка уже совсем скоро заканчивается, а новую я получу только после присуждения мне ученой степени, а это скорее всего будет через пару месяцев, и таким образом я в данный момент времени не только невыездной, но и практически вне закона. Она сказала, что я отлично могу отдохнуть, поехав в какой-нибудь пансионат на лоне природы. Но мне нравятся большие города и индустриальные ландшафты. Когда я вижу природу слишком близко от себя, мне кажется, что я с ней сливаюсь и полностью растворяюсь. А, по моему глубокому убеждению, с природой можно слиться только в единственном случае – став удобрением.

Потом я заговорил об искусстве. Мы говорили о поэзии. Я сказал, что пишу стихи, она пообещала обязательно их прочесть и непременно выразить свое мнение в письменном виде. “Я посмотрю, насколько хорошо у тебя это получается”. Я молчал. Я снова не мог найти, что ответить. Хорошо ли у меня получается? Идиотская постановка вопроса.

И вот подошло время расставаться. Она попросила меня вызвать такси, которое я практически сроду не вызывал. Мобильным телефоном я еще не обзавелся, поэтому

остановил такси на дороге. Я судорожно прикидывал в уме, хватит ли мне денег на такси, а она просто смотрела в окно и ее волосы пахли, как цветы перед дождем.

Я чувствовал, что она разочарована. Я не повел ее в супердорогое место, не хвастался своим благосостоянием. Да еще и я рассказал ей, что мои родители рядовые клерки и что живу я на самой окраине города. Это было явно не тем, что она собиралось услышать. Очевидно, что она считала свою красоту первоначальным капиталом и, вкладываясь в нее, рассчитывала получить максимум. Мне было грустно за нее. Мне хотелось обнять ее, расцеловать и пожелать всего самого хорошего, чтобы она не волновалась по таким пустякам, как успех, роскошный автомобиль, отдельная квартира в центре города и прочие атрибуты престижа, от которых слипается жопа. Я был далек от ее идеалов.

Но мы были с ней очень похожи. Я видел в ней то, что может со мной произойти, если я не буду бороться. Если я не буду измерять свой успех уровнем своего самосознания и вклада в общечеловеческую сокровищницу мысли. Если я не буду искать эликсир нравственного здоровья и наслаждения жизнью. Всю дорогу мы ехали с ней уставившись в заднее стекло, как дети. Ее волосы развевал пропитанный уличным освещением летний вечер. Я просто пропадал в ее глазах. И вот мы приехали. Она хотела заплатить таксисту, чтобы он отвез меня домой в этот поздний час. Я сказал, что ничего со мной не будет. Транспорт ходит до трех, а еще только полвторого. На худой конец, я могу поспать на скамейке. На скамейке? Я сразу же ее успокоил, что пошутил и, как только ее провожу, обязательно возьму такси и спокойненько доеду до дома.

Она стояла возле своего подъезда, волшебной красивой, загорелая нимфа с лицом, пропитанным интеллектом и житейской философией. Я желал ее. Я не хотел ее отпускать. Я не хотел лишать себя этого прекрасного сна. Я лишь смотрел на нее и видел между нами Великую китайскую стену. Что бы я ни сказал, она больше не воспримет меня всерьез. В ее восприятии я всего лишь чудака, а возможно, и нищесброд. Я попросил разрешения поцеловать ее. Она сказала, что давай, только подружески. Я удивился – а как это? Она обняла меня, прижала к груди и поцеловала в щеку. Это класс! – признался я. Давай еще раз попрощаемся. Она улыбнулась и сказала – давай. Я прижался к ней и чувствовал в своих объятиях ее нежное гибкое стройное тело. Я был от нее без ума. Мы еще некоторое время держались за руки, а потом она ушла.

Я шел домой и не мог отключиться – неужели на свете нет по-настоящему красивых девушек, которые не боялись бы продешевить. Мне стало страшно за себя.

В конечном итоге целью жизни всех людей является счастье. У каждого свои представления о счастье, в соответствии с которыми строится жизнь. Простейшее из всех описаний счастья - это когда на душе спокойно.

Каждый человек ищет счастье по-разному. За столько времени я понял одну важную вещь: те, кто ищут счастье через книги, как правило, никогда его не находят. Книги – это наркотики, действие которых сильнее любого болеутоляющего, но они отрывают от действительности, более того, они создают собственную действительность, не имеющую никакого отношения к той, в которой ты живешь.

Ты прекрасно понимаешь, что кайф от книги – это ненадолго, что твоя жизнь построена на зыбучих песках книг. Но чтобы убрать из своей жизни книги, тебе придется убрать из своей жизни и себя.

Человеческое тепло. Немного человеческого тепла. То, что я всегда искал, то чем я всегда бредил. То, без чего я не мыслил своего существования, и то чего я всегда был лишен. Мы сидели с ней под деревом в одном из самых темных мест в парке. Она была намного моложе меня. Было лето, и вечеров как таковых вообще не было. День сразу сменялся ночью. Мы сидели в темноте и тишине. Она сидела на моем паху и прижимала мою голову к своим разгоряченным грудям. Она целовала меня в рот и по всему лицу. Она была в коротком, но просторном платье спортивного стиля. Она терлась об меня промежностью. Время от времени она просовывала руку между нами и стимулировала одной рукой нас двоих. Она все говорила, что любит меня и хочет быть только со мной. Я зарывался в ее сиськи, боясь показаться ей на глаза, поскольку при каждом моем выныривании она набрасывалась на меня и так крепко целовала, что я уж подумал, еще немного и ее тяга вырвет мне язык. Теперь она запустила меня в себя. Я держал ее за задницу, а она извивалась – и в каждом извиве ее зада я видел приближающийся поезд Люмьер. Время от времени она переставала меня терзать и предавалась каким-то материнским ласкам – все спрашивала, почему я не стригусь и буду ли я впредь вести себя хорошо. Я подыгрывал ей, говоря, что ем, не помыв руки. Она шлепала меня по губам и рукам и как заведенная что-то шептала, типа того, что я плохой, очень плохой (на этих словах она как-то болезненно выкручивала мне член), и начинала смеяться в такт нашему парному катанию. Это

было лето моих надежд, которое я проводил тише воды ниже травы. Днями я работал над своими или чужими книгами, а по вечерам выходил погулять. Она была очень славной.

Но в один из последующих вечеров она изменилась. Я все спрашивал, что с ней, но она не отвечала. Мы сидели все под тем же деревом. Она задумчиво смотрела вдаль. Я гладил ее по спине и целовал в виски. Она не смотрела в мою сторону. Я попросил ее рассказать мне все. И она мне рассказала душещипательную историю о ее парне, которого она безумно любит и о котором я даже не подозревал. Оказывается, он изменил ей. Она мне подробно описывала его накаченную фигуру, его красивые глаза с густыми ресницами и сильные, нежные руки. Тогда я спросил у нее, кто же для нее я. Она наконец взглянула на меня. Я взял ее за руку и снова повторил свой вопрос. “Ты очень забавный, мне с тобой нравится. В тебе есть что-то необычное. Но ты не в моем стиле”.

Это было правдой – я и в самом деле не был в ее стиле, точно так же, как и она не была в моем. Но разве тебе не хорошо со мной? – все больше мрачняя, продолжал я спрашивать у нее. “Ты хороший, но я тебя не люблю. Ты ведь тоже меня не любишь?”. Ты меня согреваешь своим существованием. Мне нравится запах твоих волос, ласковость твоих рук и уютность твоих бедер. Я хочу тебя. Может это и не любовь, но все равно это очень важно для меня. Я попытался обнять ее, но она отстранилась. Я посмотрел в ее глаза, и увидел в них отражение своих глаз, которые пылали, как какой-нибудь храм Артемиды в Эфесе. Неопределенность социального статуса наших взаимоотношений не давала ей проявлять ко мне хоть какое-то человеческое тепло. Раньше я не замечал этого, но сегодня, когда вся ее напускная заинтересованность ко мне обнажилась, я не находил себе места. Я полюбил маску.

Герой одной из пантомим Марселя Марсо на глазах у публики мгновенно сменяет одну маску за другой. Ему весело. Одна смешная история тут же чередуется другой. Но внезапно фарс становится трагедией: маска приросла к лицу. Человек корчится, прилагает невероятные усилия, но тщетно: маска стала новой внешностью, случайным лицом, от которого уже невозможно избавиться никогда.

СНЫ И ПОЛЕТЫ

Раньше у меня были медленные сны и быстрая жизнь.

Если верить Павичу, все спящие, включая растения и животные, находятся в одном мире. В одном общем доме. А как проснутся, каждый попадает в свое отдельное жилище. В свою отдельную берлогу.

Я все никак не могу забыть те каникулы, когда мы поехали с друзьями в студенческий дом отдыха на берегу одной канализационной речушки. Нас было шестеро. Все художники. С нами была одна баба, чувырла, за которую нам по очереди приходилось таскать рюкзак. Это была последняя неделя августа. В пансионате почти никого не осталось. Кроме нас в этом огромном 150-местном летнем птицекомбинате педагогического института еще тусовались человек 5-6, семейные пары с детьми. В первый день нашего пребывания студенчество еще не разъехалось. Мы пошли с ними на контакт, и они пригласили нас на костер. Мы сидели в абсолютно черном безлунном первобытном лесу вокруг костра из натасканных отовсюду поленьев. Над нами горели огромные звезды. Никогда больше я не видел звезды так близко. Разговор не клеился: мы говорили об искусстве, а все остальные о том, как хорошо они провели лето. Среди других была одна девушка с полуфабрикатной задницей, которую нужно очень долго разогревать, прежде чем она приобретет съедобный вид. Она постоянно пялилась на меня. И вот она предложила мне сыграть что-нибудь на гитаре, которую мы привезли с собой (единственный музыкальный инструмент на сто миль вокруг). Я стал было петь Цоя, но песня ни хрена не ладилась. Меня стали поддерживать мои приятели. Никогда не забуду, как мы впятером были песню о переменах, необходимых нашим сердцам. Никому эта песня не понравилась, и мы через несколько минут плавно ретировались. А ночью нам в комнату подкинули какую-то мерзко воняющую дымовую шашку, и мы чуть все не угорели. Я крикнул: “Ребят, так мы все угорим! Открывайте скорей окно, щас все сдохнем!”. Мы выбежали за дверь в трусах и перед нами стояло человек 20, ржущих без остановки. Мы тоже стали ржать. Даже не знаю почему, наверно хоть как-то хотели разрядить обстановку. Ад – это Другие люди.

На следующий день все уехали, и мы зажили своей богемно-аскетической жизнью: хлеб, рис и картошка. Каждый день кто-то из нас оставался за повара, а остальные вместо того, чтобы наслаждаться подъемом в горы или прочей туристической херней, бегали по всем горам и долам, выискивая, что бы пожрать, да еще и припасти на завтрашний день.

Как-то, когда наши припасы совсем иссякли, я с парнем по имени Виг пошел в

соседнюю деревню наворовать картошки и купить хлеба. Мы шли около двух часов под ужасным солнцепеким и наконец добрались. Нам сунули ужасно черствый хлеб. Мы поначалу отказались его брать, но нам сказали, что другого нигде поблизости нет. Потом мы влезли в какое-то огороженное всякой хренью картофельное поле, и только стали собирать картошку, как откуда-то вылез старикан с ружьем, и мы прикинулись будто пришли сюда поссать. Он пристально смотрел на нас. Мы поспали на картошку и ушли несолоно хлебавши. Хлеб оказался сырым внутри, и поэтому все последующее время мы подогревали его на печке и сжирали с превеликим аппетитом. Когда у нас кончился и хлеб, мы решили на последние деньги поехать в ближайший город и купить мяса и чего-нибудь типа крупы.

В город поехали я и Сэм. Как только мы попали в город, нам сразу стало не по себе. Во-первых, телки, которых мы не видели почти неделю (чувырла, которая была с нами, не в счет). Неказистые деревенские телки произвели на нас неизгладимое впечатление. Но как это ни странно, несмотря на то что мы выкладывались как могли, они продолжали оставаться равнодушными к пылкости великих романтиков, каковыми мы в те года были. Плюнув на все это, мы побрели по городу искать гастроним посолиднее. И вот, после довольно долгого горячего спора и перебора всех возможных вариантов, мы все-таки решили купить курицу (ни на что другое у нас не хватало денег). Мы купили курицу - 1.100 г, которая, как оказалось при прибытии на место, весила всего 900 г. Но это не важно, поскольку в этом городе жили дед и бабка Сэма. Видно, у них сразу защемило сердце, как только они увидели наши осунувшиеся морды. Дед сразу сбегал за тутовкой градусов эдак за сто. Бабка накрыла стол, и мы жрали и пили до самого вечера. Потом мы на бровях добрались до пансионата и отдали курочку на съедение остальным. Кура была с кулачок, но наш "повар" умудрился разрубить ее на миллион частей, не меньше. Ее зажарили на сковородке, и к концу готовки она скорее напоминала салат. Мы-то с Сэмом были сыты и отправились на качели посудачить о том о сем. Следующие несколько дней мы жрали одно только зерно, которое каким-то чудом купили в полуобвалившемся лабазе на дороге и перемалывали на мясорубке страннейшей конструкции, занятой у придурковатой жены хозяина пансионата.

Так мы и жили. Днем искали жратву, а ночью играли в настольный теннис или катались на качелях, рассуждая о смысле жизни. По вечерам Сэм показывал нам кукольные спектакли из ног. Он надевал разные носки, залезал за натянутую по такому случаю занавеску и показывал целое представление: с элементами трагедии и комедии, смысла и бреда. Мир работал на нас. Мы ходили на пленэр, сочиняли

музыку и играли в карты на рабство. Мы тогда еще не знали, что это последнее лето нашего детства.

Для меня сны всегда были книгой, в которой слова – воспоминания, а пунктуация – эрекция.

Сны открывают глаза на самое сокровенное. Благодаря снам я узнал несколько очень важных вещей, без которых сегодня я просто не мыслю своей жизни. Итак, чтобы увидеть шар, нужно уподобиться шару. Чтобы увидеть женщину, нужно уподобиться женщине. Чтобы увидеть зеркало, нужно уподобиться зеркалу. Чтобы увидеть себя, нужно уподобиться себе.

Мне всегда казалось, что любой сон достаточно запереть на ключ, и тогда можно спокойно идти по своим делам. Но всегда находятся люди, лезущие в ваш сон через форточку.

Мне всегда казалось, что сны можно постирать, как носки, и носить еще не один раз.

Мне всегда казалось, что сны можно записать и забыть о записи, а потом найти ее и еще раз посмотреть сон впервые.

Мне снилось, что можно устраивать забеги снов, как на ипподроме. Мне снилось, что сны выпадают, как осадки: дождь, снег или, скажем, град. Только представьте себе снег из снов.

Мне снилось, что вид звездного неба – наиболее точная карта расположения снов по отношению к нам.

Мне снилось, что сны не могут присниться.

Как-то во сне мне сообщили, что я перешел границы собственного сна и в настоящее время нахожусь в чужом сне. Неужели сны всех людей граничат друг с другом?

Очень часто я оказываюсь перед сном, как перед океаном, оглушающем меня всплесками своих волн. Это напоминает известную сюрреалистическую сцену, когда маленький мальчик в матроске медленно приближается к морю. Вот он уже подошел к самой воде. И тут он нагибается, берет волну в руку и приподнимает море, как

одеяло. Сразу же становится видно дно, залитое солнечным светом, преломленным через движение приподнятой над дном воды. Видны трупы утопленников и россыпи соковок. Некоторое время я стою в нерешительности. Потом я наконец набираюсь смелости и ныряю в свой сон. Через некоторое время я вынырываю из чужого сна. И хозяин сна отчитывает меня, словно я забрался в его сад красть яблоки.

Вчера я совершал разведывательный полет на своей улыбке. Мне необходимо было подтвердить дислокацию ее эрогенных зон. Но потом меня сбили. Я-то думал, что в крайнем случае меня отправят в лагерь для военнопленных, а попал к каннибалам, охотящимся на людей, только ради языка, подобно охотникам, убивающим огромного носорога только ради маленького рога.

Улыбка это всегда полет.

Она добавляла свою улыбку в обед, для вкуса. И вообще, она орудовала своей улыбкой как инженер, кружащий вокруг сложнейшего чертежа со своей логарифмической линейкой.

Ее улыбка открывается наружу и вовнутрь. Ее улыбка проникла с поцелуем в мои легкие и заразила меня вирусом желания. Я так и не узнал, как зовут ее улыбку.

Иногда она оставляла мне допить за ней чай. И тогда я сразу распознавал, примешанный к чаю вкус ее солнечной улыбки. Рецепт прост: 0.5 ч/л гранулированного чая, 1 ч/л сахара, 0.7 стакана кипяченой воды, 1 свежая улыбка.

Наши глаза как вход в кроличью нору. Больше всего в ее лице мне понравилась жопа.

Она очень чувствительна – наверняка в прошлой жизни она была головкой члена.

Синдром дороги. Роман как долгое и мучительное отхаркивание мыслей. Это был один из тех мертвых дней, когда голова подобна растопленной солнцем мухе, выписывающей всевозможные невероятные траектории вокруг бессмысленной невидимой оси. Я лежал на своем диванчике и менял каналы на тв. Мои мысли были заняты всякой всячиной. Ничего конкретного. В тот момент я думал обо всем на свете.

Я видел сон. Довольно странный. Я иду по длинному мосту над какой-то ужасающей пропастью. И прямо на середине моста стоит очередь людей, готовых броситься вниз. Я подхожу к ним и окончательно убеждаюсь в своих предположениях – у них вид самоубийц. Я спрашиваю: кто крайний? Передо мной парень лет 20-ти. Он совсем не смотрит на меня, а говорит куда-то в пустоту. Так вот этот парень мне говорит, что тут стоял какой-то малец, но он ненадолго отошел по делам, сейчас подойдет, он крайний. А куда это он? Ему нужно было кое-что купить на завтра. На завтра? И тут я замечаю, что самый первый из стоящих в очереди стоит, свесившись с моста, и задумчиво смотрит вниз. Судя по всему, он и не собирается прыгать. Все просто стоят. Никаких эмоций. Будучи потенциальными самоубийцами, эти люди даже не собираются что-либо сделать для разрешения своего состояния. Мне показалось, что они ждут, что на мост что-нибудь упадет и придавит их раз и навсегда. А может, наоборот, они ждут чего-то, что сможет отвести их от самоубийства. Они ждут перемен, чего-нибудь, что сможет наконец заставить их определиться. Они каждую секунду ждут новостей. Как это похоже на нашу жизнь. Я стоял и смотрел на них, как замороженный. В это время у меня за спиной раздался чей-то голос: кто крайний? Я посмотрел на этого человека – лет 45-ти, хороший костюм, лицо весельчака, - и ответил: Я.

Никаких логико-семантических связей. Искусство как продолжение сна. Я лежу на диване и слышу, как ко мне в дверь стучат. Я открываю окно и откуда-то сверху с потолка, как паук, спускается полненькая девушка лет 23-х. Я удивленно смотрю на нее. Потом подхожу к своему окну, которое скорее напоминает дверь, потому что окно у меня железное и на нем глазок. А моя дверь распахнута и сконструирована из застекленных оконных рам. «Ты зачем здесь», — спрашиваю я ее. Она садится напротив меня и, смотря мне прямо в глаза, рассказывает.

«Он вампир, он пьет мою кровь. Я боюсь его. Каждый раз как он ко мне приходит, мне хочется проткнуть его заранее заготовленным осиновым колом. Но он хитер. Он всегда ловко выкручивается из любого положения. Он знает нужные слова».

От меня отделяется еще один я. Теперь нас двое, два наблюдающих с моей стороны.

Потом она говорит, что у нее будет ребенок. Вдруг из нее вылезает ребенок и говорит, что хочет есть. Я одеваюсь в какой-то костюм, покрытый большим количеством веб-камер. Она выпрыгивает в окно, но неудачно приземляется и умирает.

Сразу же на ее месте вырастает новая она. Она начинает расти почти под каждым деревом, и я собираю ее, как грибы.

ДРЕВО СЕКСА

Известна знаменитая фраза математика Анри Пуанкаре: “Взрослым нужна порнография, как ребенку нужны сказки”. Что думает человек, наблюдающий эту увеличенную в размер телеэкрана разверстую вульву, схожую с розовым, нежным и опасным морским животным, приоткрывшимся на дне водорослей?

Когда мы видим поношенных шлюх, трахающихся со всем, что движется – это совершенно неинтересно, поскольку привычно. А эстетика держится на удивлении. Нет удивления – нет эстетики. А какое может быть удивление в голых шлюхах, занимающихся своей профессией?

Любимый сюжет всего человечества, - падение, ниспровержение идолов. Причем падение праведников, падение тех, на кого можно было бы равняться. Опрокидывание идеалов и их немедленное погребение – вот идеальный сюжет, который срабатывает где угодно, и особенно в порнографии. Именно такой сюжет мы встречаем во всех священных книгах человечества. Именно такой сюжет стал лейтмотивом всех социальных мифов.

Если мы видим опустившегося человека, то первое что приходит в голову – уничтожить его, “очистить” общество от болезнетворных элементов, вроде этих беспомощных бедняг, копающихся в воняющем мусоре баков и урн, свалок и помоек. Но если мы видели этого же самого бедолагу до его “падения”, когда тот был, допустим, известным адвокатом, врачом или финансистом, - все кардинально меняется. Мы начинаем осознавать, что стали выше еще на одну голову, причем не на какую-то бесхозную голову бомжа, от которой нашему самодовольствию нет никакого прока, - а на голову представителя элиты, пусть даже и бывшего. Мы готовы помочь этому человеку всем, на что способны. Мы даже способны на некоторое время поселить его у нас дома и дать ему на первое время денег. Затем мы будем рассказывать всем своим знакомым о своей необычной “находке”, лишний раз

подтверждающей шаткость и несправедливость мира, в котором мы все живем. Мы будем кичиться своим поступком, мы возомним себя спасителями, и, возможно, единственный раз в жизни окажемся довольными и собой и окружающими.

Так же немаловажными и особенно эффектными в порнографии являются оппозиции типа: межрасовый секс как завуалированный расизм, а также пожилой мужчина – юная девушка или пожилая женщина – подросток, содержащие в себе перекодированный запрет на инцест.

Что же касается того, почему человек, имеющий налаженную половую жизнь, продолжает нуждаться в порнографии, то, видимо, здесь необходимо отметить следующее. Изображение пассивно, с ним можно делать все что угодно. Оно провоцирует воображение и возбуждает мышление. С изображением человек всегда хозяин положения. Это безрисковый трюк. Рефлексия полностью отключена – в момент созерцания изображения его не будут тревожить мысли о том, насколько эффектно и со знанием дела он проделывает отдельные па и многое другое, что может нанести урон его личности. Первая и не отключающаяся мысль – продержаться на высоте.

Рефлексия начинается там, где кончается удовольствие. Или там, где оно должно начаться. Или же там, где оно никогда не начиналось.

Секс как ностальгия по сексу. Мы в огромном напряжении разбирающие каракули нашего жизненного пути. Я продолжаю свой путь среди вузовских троллейбусных остановок и элитарных новостроек. Здесь обитают сексуальные телочки всех возрастов и оттенков цвета. Обстановка в духе Ли Бо. Весь берег в цветах лотоса. Юные девы рвут их. Среди кустов в чаще листьев сидят они, собирая предзакатные цветы в свои колени и шаловливо перебрасываясь шутками. Лучи солнца золотистой пряжей опутывают их станы. Ясная вода отражает их одежды, их дивные очи. А ветер, лаская, подымает их рукава и уносит с собой чары их ароматов. Я скачу посреди рощи ветвистых ив. Мой конь заржал тревожно и поскакал, топча разлитые по всему берегу цветы. Прекраснейшая из дев следит за мной долгими взорами. Ее гордая осанка – только ложь. И в блеске ее больших глаз бьется тревога ее сердца.

В последнее время со мной происходит невероятное. Вчера, когда я встал ночью и пошел в туалет, я буквально затылком почувствовал, что на меня со стены смотрит

что-то усатое и ползучее. Это была ее вагина. Она приползла на мою прорывающуюся страсть. Глаза – это перископ вагины. Я всегда ее представлял атомной подводной лодкой.

Я никогда не мог понять интерес девушек к иностранным языкам. И только теперь начинаю понимать, что перевод – бессознательное стремление всех женщин. И в самом деле в переводе им нет равных. Достаточно уже того, что они умудряются перевести сперму в человека.

Кстати, об иностранных языках. Я всегда избегал зануд. Во всяком случае, старался их избегать. И всегда стремился искоренять в себе занудные моменты. И вот недавно. Совсем недавно я встретил на улице потрясающую задницу. Это была просто невероятная задница. Как оказалось позже, у задницы было незамысловатое имя. Она недавно закончила факультет иностранных языков университета и теперь скиталась в поисках хорошего секса и спутника жизни. И я, недолго думая, познакомился с ней. Я спешил по делам, поэтому мы договорились встретиться через пару дней.

Через пару дней она пришла к условленному месту. Я смотрел на нее, приближающуюся ко мне, и, честно говоря, не совсем ее узнавал. Она пришла в каких-то широких заплатанных джинсовых панталонах, из-под которых не видно было главного участника торжества – ее зада. Я продолжал хранить хладнокровие и мило ей улыбнулся. Она тоже расплылась в улыбке. Она была так мне рада, что у ее улыбки родилось около десятка щенят. Я смотрел на нее и пытался настроить себя на романтический лад, но у меня ничего не получалось. Я стал пристально всматриваться в ее прикид. Загорелое, но несколько пережаренное щуплое тело. Мощный зад, очертания которого я достраивал по памяти. На шее какая-то хипповая висюлька, амулетик из цветного стекла. У нее был глубокий вырез на груди. Я заглянул туда и оттянулся – на меня оттуда таращились две вялые сиськи, сморщенные и отвислые, как у орангутангов. Но я продолжал крепиться. Я посмотрел пониже - пузо у нее было открытым, так себе пузик, ситуацию никак не спасал. Она взяла меня за руку, и мы пошли гулять.

Я прикинул хрен к носу и предложил ей погулять в парке подальше от Центра, чтобы меня, грешным делом, никто с ней не застукал. Она радостно согласилась, и мы поперлись. С самого начала я стал зондировать почву типа до какого часа ты свободна. Оказалось, что у нее либеральные предки, и она может гулять хоть до утра. Блин! Мне захотелось сказать больным и поскорее смотаться отсюда. Но не тут-то

было. Баба она была боевая, с яйцами. До парка было далеко, и я предложил ей воспользоваться транспортом. Но она сказала, что это напрасная трата времени, что она знает короткий путь, что надо почаще ходить пешком, что она любит активный отдых, что мне надо подкачаться, что я такой ленивый. Мы пошли через какие-то дебри засаженных всевозможным лесным барахлом городских районов. Через полчаса мы были на месте. Я взял по пепси, и мы принялись искать укромный уголок.

В одном из уголков я наткнулся на свою студентку, которая очень вежливо со мной поздоровалась, и ее кавалер по инерции тоже что-то тявкнул. Потом мы наконец нашли место поблизости у смотровой площадки. Мы сели на самый дальний и неприметный край смотровой площадки и свесили ноги вниз. Я посмотрел на ее пальцы ног – длинные и неаккуратные, рабоче-крестьянские. На одном из пальцев было серебряное кольцо. Я глянул еще раз – да и в самом деле кольцо. Я спросил типа: это что, кольцо? А она улыбнулась, потянулась к кольцу и стала его вращать. Я уж было подумал, неужели она снимет его, чтобы мне показать. На вид ее ноги мне казались чрезвычайно пахучими. Но нет пронесло. Я был бы согласен посмотреть на ее кольцо только в том случае, если бы, сняв с себя кольцо, она взорвалась к чертовой матери. Ну да ладно. Вот значит мы уселись, и она мне говорит: ты веришь в бога? Я не совсем догнал, к чему это. Я постарался замять этот разговор вишневым дириолом, который предложил ей и который она попросила положить ей в рот. Зря старается. Но она продолжала докапываться: так ты веришь в бога? Я сказал, что очень верю.

Когда-то одна многоопытная стриптизерка мне рассказывала, что человек заговаривает о боге только когда ему очень хочется потрахаться. Не знаю, насколько она зрит в корень, но в тот момент мне показалось, что в этой мысли что-то есть.

Так вот я сказал ей, что верю в бога, но не думаю, что с виду он такой как мы. Она все равно обрадовалась: а ты читал библию? Да, читал. И как? Ничего. Местами занудно, но в целом поучительно. Тут она развернула свои тутанхамоновские сиськи в мою сторону и стала строчить, как из пулемета. Около двух часов она рассказывала о своих проблемах, вызванных окончанием вуза, неустроенной личной жизнью, разногласиями с родителями и прочим калом. Потом она рассказала о своей сестре, которая встречается с парнем с философского фака. Она сказала, что этот парень очень башковит, и вообще вся его компания очень продвинутая. Она несколько раз была с ними, и ей очень понравилось – говорили о всяких умных заморочках, курили какую-то хрень и слушали психоделическую музыку. Она сказал, что этот чмырь, ну ее как бы зятек, слушает очень сложную музыку и назвала пару задроченных

названий. Я слушал ее и думал, какого хрена я так мучаюсь. Я ведь на самом деле познакомился с ее задом, а не с ней. И мне по хрен и ее сестра и парень ее сестры и их тусовка и ее проблемы и ее родители и сама она. Неужели из-за того, чтобы воспользоваться разок ее жопой, мне нужно выслушивать всю эту хреноту!

Она посмотрела вниз — под нами было около двадцати метров. Как высоко. Мне внезапно захотелось спихнуть ее вниз. Но я продолжал ее внимательно слушать. И она продолжала говорить. Она говорила и говорила, словно ее никто не слушал всю ее непримечательную жизнь. Она останавливалась на деталях — и мое желание, которое я кое-как искусственно поддерживал, сдохло. Когда я в очередной раз слушал о том, как она возвратилась в церковь и теперь она счастлива — все люди братья и сестры, — я уже не выдержал и нагло ее перебил: у тебя на брюках интересные заплатки (я стал шарить по ее достаточно тугим и приятным на ощупь формам ног). Она замаялась, а потом полезла мне в волосы, типа как пытаюсь их пригладить. И вдруг я увидел на ее руке, где-то на предплечье, большую волосатую родинку. Это уже было слишком. Я решил вернуться к разговорам. Я сказал, что она меня не знает, а я ведь на самом деле великий поэт. Она скептически посмотрела на меня и рассказала историю о том, что все ей всегда говорят, что типа она их не знает, а на самом деле они ничего особенного из себя не представляют.

Я сказал, что я особенный, я пишу о жизни очень необычно и умно. А она сказала, что тогда мне нужно познакомиться с ее зяtkом, чтобы он меня поднатаскал по философии. Я улыбнулся. Она сказала, что раз уж я писатель (я ей сказал, что я поэт), то я не должен стесняться спрашивать умных людей. Я чуть не обделался от злости. Она сказала, что обязательно меня познакомит со своим этим урюком и его компашкой. Я сказал, что я уж как-нибудь сам разберусь что к чему. Она снисходительно улыбнулась. Моему терпению пришел конец, начинался дождь, и мне уже не терпелось попасть домой. Мы встали.

Я-то думал, что до финиша остался последний круг. Оказывается, совсем нет. Как только мы вышли из парка я пошел в сторону остановки. Она спросила меня, типа куда это ты. Я сказал, что на остановку. На какую еще остановку — такая классная ночь. Она посмотрела на звезды. Я тоже по инерции взглянул на небо, и это был наверно единственный раз в моей жизни, когда звезды меня огорчали. Мы спустились по длиннющему эскалатору, соединяющему парк с Центром, и оказались в самом центре летнего молодежного веселья. Повсюду царил атмосфера секса, музыки и денег. Она взяла меня за руку и поволокла по проспекту. Как это обычно и

бывает, по дороге мне попадались самые отборные телки, которых в таком изобилии не увидишь суммарно даже в течение года. Я уже мысленно устраивал top 20. Она продолжала говорить, не останавливаясь ни на минуту. Она говорила обо всем подряд. Я стал все настойчивее спрашивать о ее остановке и номере ее маршрутки. Дождь лил все сильнее. Она прикинулась чудачкой и стала вытаскивать меня за руку из-под всяких деревьев, под которыми я пытался укрыться. Она сказала, что люди не должны прятаться от летнего дождя, так как это так романтично и сказочно. Я сказал, что иногда я и впрямь люблю помотаться под дождем, но только не сегодня. Она назвала меня занудой. ЗАНУДОЙ. Я прикинулся занудой и вообще крайне рациональным типом. Сказал, что она может заболеть, если будет мотаться под таким дождем и ветром с полуоткрытыми сиськами. Она разочарованно посмотрела на меня и сказала: какой же ты после этого поэт. Мы погуляли еще с полчаса, потом я посадил ее в метро и хотел уж было уйти, как она подбежала ко мне, поцеловала и сказала, что позвонит мне завтра, узнать, как у меня дела.

Я улыбнулся и пошел к своей остановке. На остановке я встретил знакомую в обтянутых джинсах, из-под которых выпирала сахарная жопка. Надо же, а я раньше и не замечал. Я спросил ее типа откуда это она в такую глубокую ночь? От подруги, - кокетливо ответила она. А ты не боишься, что транспорта в это время может и не быть? А она сказала, что в крайнем случае мы можем переночевать в университетском садике. Не зима ведь.

Я остался с ней в Центре и прогулял всю ночь. Ее рот был горяч, как адское пламя. А ее жопа светилась в темноте, как готический витраж. Свет моей жизни, огонь моих чресел. Грех мой, душа моя. Жо-па: кончик языка совершает два выдоха – один шершавый с “ж”, а другой пустой, поскольку там с “п”.

ОБЛАКА ЛЮБВИ

Что нас заставляет целовать чужого человека. Говорить ему ласковые слова. Верить и доверять ему. Задумываться о создании семьи. Что такое любовь? Взаимная и безответная, длительная и сиюминутная, сильная и слабая, возвеличивающая и самозабвенная?

Вот она идет. На ней майка цвета синей полосы на кроссовках Reebok. Я задерживаю дыхание и переключаю свое внимание только на нее. В какую же сторону она побежит: ко мне или от меня? К сожалению, от меня.

Для меня любовь всегда была испытанием. Ночами я блуждал по библиотеке снов, в которых я был доволен миром, а мир был доволен мной. Но как только просыпался, я снова оказывался в состоянии безответной любви. К сожалению, я оказывался в такой ситуации нередко. Меня презирали, унижали, втоптывали в грязь, - но я выжил. Самое страшное во всем этом то, что я осознанно терпел бессердечные унижения со стороны объекта моей любви. Меня на моих же глазах разбирали на атомы и наспех собирали вновь. Каждую новую секунду любви я чувствовал, что подыхаю. Но еще острее я чувствовал, что не могу не любить. Любовь примиряла во мне сверхчеловека с недочеловеком. Любовь – это лучшее топливо для творчества. И наверно это единственное, что может по-настоящему отделить живое от мертвого.

Очевидно, что мы знаем очень мало из того, что действительно желаем. Но даже это малое может испортить нам жизнь. Подобные мифическому Танталу, мы постоянно видим желаемое перед глазами. Мы верим в реальность и осуществимость желаемого. Но стоит нам протянуть руку – как все исчезает. И попытка тут же повторяется снова. Шопенгауэр говорил, что созерцание несчастной судьбы других людей помогает нам легче переносить собственную судьбу. И вот мы ищем козла отпущения, жалкую жертву нашего бессилия. При этом будет гораздо лучше, если эта жертва будет еще безумно в нас влюблена.

Любовь – это молчание и 42 минуты мигающего в мониторе курсора.

Помню, как я увидел ее впервые. Я ехал в маршрутке и все поглядывал по сторонам. Вдруг я увидел на перекрестке ангела. Это была девчонка лет семнадцати-восемнадцати. Она стояла на солнцепеке и смотрела куда-то вдаль, вероятно ожидая своего транспорта. Она тоже меня заметила и смотрела до тех пор, пока меня было видно. Я ехал и все думал – вот мое спасение. Слава богу – наконец, я спасен! Спасибо тебе, а то я уж было подумал, что ты обо мне забыл! Этими словами я закрепился в своем мнении и попросил водителя остановиться.

Она стояла, перенесла центр тяжести на одну ногу, и тем самым дополнительно округляя и без того чрезмерно сексуальный зад. Вблизи оказалось, что она старше предварительных оценок в 17-18 лет – ей было лет двадцать. У нее были длинные ласковые волосы, большая упругая грудь, женственная прическа и необыкновенно милое лицо. Она удивленно смотрела на меня. Я подошел к ней, посмотрел в глаза и

сказал: “Я проезжал мимо на маршрутке, увидел вас и просто не смог проехать мимо. Меня зовут Эмиль. А как зовут вас?”.

Вдруг, милые мои братишечки, ее взгляд изменился, и в нем появилось такое презрение, такая ненависть и высокомерие, что ваш покорный слуга чуть не лишился чувств. Что за дела? Она смотрела на меня как на последнего врага, даже нет – как на прокаженного. Она смотрела на меня таким макарон около 2-3 секунд, в течение которых у меня перед глазами пронеслась вся моя жизнь. Вот мой первый ранец, вот я иду с продленкой в кино, вот я съедаю в школьной столовой какое-то дерьмо и блюю на девочку в белом фартучке, вот я в первый раз хватаюсь за сиськи, вот я поступаю в универ, вот я преподаю и т.д. и т. п.

И тут она стала спешно уходить от меня. Я попросил ее остановиться. Я умолял ее не превращать эту милую встречу в фарс. Я до конца верил, что говорю с человеком. Но она была непреклонна, она не вымолвила ни одного словечка. Тогда я, немного поколебавшись, пошел за ней. Я нагнал ее и спросил: “Если я вам неприятен, если я доставляю вам беспокойства, то вы только скажите - и я сейчас же уйду. Только скажите же мне что-нибудь”. Она повернула голову в обратную от меня сторону, приправляя свой поворот презрительным “Господи!”. Я опять пошел за ней. Я сказал: “Зачем же вы обижаете меня. Я веселый, хороший, добрый человек. Вы мне просто очень понравились, но это не дает вам права унижать меня. Скажите же что-нибудь”. Она молчала. Меня взяла такая ужасная досада, что я просто не знал, куда деться. Теперь моя самооценка была погребена под грудой моих же слов, произнесенных во благо, но обернувшихся во зло.

Я сказал ей, что ухожу и попрощался, она выцедила “наконец-то”. Я-то думал, что такие инциденты в современной жизни невозможны. Наверно, такое мнение у меня сформировалось в результате всего безотказного в плане знакомств нынешнего сезона. Новые знакомства всегда положительно влияли на мою психику. Я думал, что нашел панацею: достаточно познакомиться – и все тут же встает на круги своя. Как перезагрузка своего опыта во взаимоотношениях с противоположным полом. Я думал: новый человек, новое мировоззрение, новые ощущения, - разве это не лучший путь к выздоровлению, прорыву из постоянно затягивающихся у меня в это время года депрессий. Ан нет. Не тут-то было. Она словно зачеркнула меня у меня же на глазах.

Дело даже не в том, что она не захотела познакомиться со мной (хотя могла проинформировать меня об этом одним из принятых в нашей цивилизации способов

– например, речью). Нет, это не так важно. Важно то, что она убила еще одну мою мечту. Она убила ее в зародыше. Ведь раньше я думал, что достаточно увидеть ангела, а заговорить с ним – тут уж не должно быть никаких проблем, - ведь на то это и ангел. Но теперь я понял, что ангелы могут быть злыми.

Я нашел другую. Был прохладный летний вечер. В комнате было темно. Мы лежали, прижавшись друг к другу. Я полусидел, прислонившись спиной к стене и обнимал ее за талию. Она сидела спиной ко мне, между моими ногами. Мои пушистые ноги касались ее оголенных и нежных длинных стройных ножек. Мои причиндалы вплотную прижимались к ее округлому восхитительному задку. Мы были пресыщены нашим излиянием чувств. Мы просто ощущали. Она собрала свои длинные волосы и заколола целой серией заколок в виде разноцветных зверюшек. Этим она освободила от волос затылок, к которому я незамедлительно присосался. Я игрался с ним, как с самостоятельным существом. Иногда ей становилось щекотно, и она начинала ежиться и извиваться всем своим тугим телом. Луна освещала ее высокую грудь. По ее груди бежали несколько родинок. Они постоянно меняли свое местоположение. Они возникали и исчезали, появлялись снова и бросались наутек от преследующего их моего языка. Мы ни о чем не говорили. Все, что можно было сказать вслух, было сказано. Мы говорили про себя. Каждый о своем. Но любили как единое целое. Несколько раз она поворачивала голову в мою сторону и смотрела в глаза. Потом целовала меня наугад, а затем, зарывшись задом поглубже в мой пах, играла с моими волосами на руках. Я был готов лежать так целую вечность. Слушать свой внутренний голос и отдавать его на съедение ей. Она была задумчива.

Вдруг она повернулась ко мне, задумчиво заглянула в глаза и сказала: ты собираешься на мне жениться?

Магия исчезла. Я растерян и потерян. Жениться? Как же глубоко сидит в ней идея брака. Почему жениться? Разве я тебе не нравлюсь? Конечно нравишься. Разве я плохо за тобой ухаживаю? Нет, все отлично.

Сейчас я не могу точно вспомнить, кому из нас принадлежали эти слова. Почему ты не хочешь жениться на мне. Тебе всего 18. У тебя вся жизнь впереди. Я люблю тебя. Я несерьезный, ленивый, да еще и психопат. Я люблю тебя. Я тоже. Ты не любишь меня. Я хочу тебя, я с ума схожу по тебе. По моему телу. Да нет, - потому, как ты на меня смотришь, по твоему характеру, смеху, манере одеваться и

рассуждать на серьезные темы. С тобой я становлюсь ребенком. Я начинаю играть в первобытные, не загаженные цивилизацией игры. Мы с тобой как единое целое.

Ты всегда несешь какую-то чушь. Я задаю конкретный вопрос, и мне нужен конкретный ответ. Конкретный... Я даже не знаю, что сказать. Мне нравится встречаться с тобой, общаться с тобой, быть с тобой, любить тебя, но я бы не хотел сейчас заводить семью. Не хотел бы завести вообще или не хотел бы завести со мной? Конечно, вообще. Я человек нонконформистских взглядов, и мне ненавистно все, что связано с размеренной жизнью добропорядочной семьи. Я недостаточно воспитана для тебя, недостаточно образована, недостаточно начитана, недостаточно интеллигентна. Ты ведь скрываешь меня от всех. Ты самый последний буржуй, капиталист и сноб. Ты считаешь себя лучше всех, но ведь это не так. Тебе хотелось бы стать аристократом, обессмертить свою фамилию. Ты жалкая жертва комплекса неполноценности. Откуда ты набралась таких мыслей? С тобой часто общаюсь. Так что - все, что я сказала, это правда?

Я молчал, я не знал, что ответить. Мне самому так хотелось верить в вымышленность приведенных ею аргументов, но что-то в глубине моей души безоговорочно соглашалось с ними. Я словно увидел себя со стороны. Мне стало плохо.

Я посмотрел на нее снова. Она была великолепна. Смуглая, темноволосая роскошная девочка. Немного простонародное, но удивительно выразительное и страстное лицо. Нежная кожа. Красивые тонкие нежные руки. Пухлые губы и проворный язычок. Сладкая томная тугая плоть. Крепкие мышцы ног, бедер, таза, груди. Арабский животик и изящные женские плечи. Испанская смоль волос и взгляд, пронзающий словно кинжалом. Она была настоящей олимпийской богиней. И я видел себя. Жалкого червяка, жадно извивающегося в прелестях пика ее юности. Я, насквозь пропитанный “интеллектуальными” стереотипами, склонный сравнивать живые пейзажи и портреты с определенными картинами, а отдельные сюжеты – с именами художников, писателей, философов. Я, погребенный в книгах и альбомах репродукций, видеокассетах с фильмами прогрессивных режиссеров и дисках с записями алеаторики и джаз-рока. Я, почти полностью отгородивший себя от жизни и только изредка принимающий ее небольшими дозами. Я, замурованный в мир эстетических ценностей и избегающий настойчивого биения настоящей жизни. Я просто жалок. Я смотрю на нее и еще больше укрепляюсь в этом мнении. Я, гибнущий и цепляющийся за идею своей гениальности, как за последнюю соломинку. И она - полная сил и витальной энергии, в предвкушении счастья

материнства. На самом деле, я конечно же мог упростить этот монолог и сказать ей всего три слова, выражающих мою малодушную позицию. Мы очень разные.

Но она сделала по-другому. Она схватила меня за голову и расцеловала. Она целовала меня жгучими поцелуями, тут же их зализывая своим по-собачьи преданным языком. Она говорила, что не хотела меня обидеть, она не хотела портить мне настроение, она не хотела, чтобы я лишний раз волновался, что все, о чем мы говорили ерунда и надо обо всем этом забыть, а ведь она почти вывела меня на чистую воду.

Я напустил на себя обиженный вид и сконцентрировался на своих ощущениях, вызванных ее мучительными сладкими ласками. Потом она поднялась к моему лицу, поцеловала меня в нос и спросила, дуюсь ли я еще. Я еще несколько секунд наигранно колебался. Но когда она заговорила со мной детскими интонациями, я не удержался, схватил ее обеими руками за задницу и приник к ней всеми своими возможными и невозможными мирами. Луна еще освещала наши лица. Мы были готовы начать все сначала.

Вот я, наконец, и подошел к так называемому нравственному закону в нас.

Все мы персонажи какого-то нелепого мифа, в конце которого нас принесут в жертву.

Может, мечта и есть единственная действительность.

Я снова возвращаюсь к своему ангелу. Да, она ангел. Это медицинский факт. Таких ангелов в жизни можно встретить единожды или никогда. Я любил ее до безумия. Я ходил выкрашенный любовью, подобно дикарю, готовящемуся к важнейшему в его жизни ритуалу. Я ревновал ее даже к себе. Любовь день за днем целенаправленно меня уничтожала. И даже теперь, когда она уже вышла замуж, я продолжаю ее любить. Пару месяцев назад я написал ей прощальное письмо, полное скорби и самобичевания. Я хотел больше не возвращаться к ней и к теме, которую она провоцирует у меня. Но она стала продолжать мне писать. Она писала о своей счастливой замужней жизни. Зачем она это делает? Почему бы ей просто не пристрелить меня, зачем она режет меня на куски?

И вот как-то мы встретились на одном из еженедельных просмотров авангардных фильмов. Мы говорили с ней о том и о сем. Я пригласил ее прийти на мою защиту, и она с радостью согласилась. Защита прошла замечательно. Как говорится, без сучка и задоринки. Она блистала своими формами и глазами. Все были очарованы. Даже

моя мать. Которая сто раз о ней переспрашивала. Все говорили, что мы очень похожи. Это как раз та самая девушка из концовки моей “Banktual Reality”. И вот я ждал целую неделю, я все боялся, что она больше не придет на последующие просмотры. Но она пришла. Я говорил с организатором этого просмотра. Мы говорили об Алене Рене. Она прошла мимо меня и поздоровалась. Затем села поблизости и положила свой рюкзачок на свободное место рядом с собой. Она была в красной бейсболке с проколотым серьгой козырьком. На ней была майка “I love Jesus”. Та самая майка, которая наиболее отчетливо подчеркивает полную тягучей животности форму ее груди. Мы договорили с организатором просмотров, и я подошел к ней. Она улыбнулась и поприветствовала меня еще раз. Затем она убрала с соседнего места рюкзак, и я сел рядом с ней. Показывали “Холодную закуску” Бертрана Брие. Я уселся поудобнее, так чтобы наши плечи соприкасались. И фильм начался. Я смотрел на нее, сидящую так близко от меня. Я смотрел на ее светлые волосы, на ее пухленькие губки и румяняные щечки, на ее нежное и такое родное мне лицо с косым разрезом светло-коричневых глаз. Я не мог оторвать от нее глаз. Я проваливался в пропасть. Мне хотелось обнять и расцеловать ее. Я чувствовал ее дыхание и аромат ее духов. Я ее не видел почти полгода, и поэтому все это время мне казалось, что она уже нематериальна. Что ее не существует, что она просто образ, миф, который просто глубоко запал мне в душу. Но теперь, когда я снова видел ее реальным человеком, я не находил слов, чтобы заглушить в себе невыносимую душевную боль. Она смотрела фильм и время от времени смеялась, смотря на меня. А я смотрел ее. Это было два параллельных фильма. Метафильм. Я смотрел фильм о том, как она смотрит фильм. Иногда она подавалась вперед, и я мог разглядеть ее спину, округлые части зада и груди. Она существовала. Я хотел, чтобы этот фильм растянулся на всю мою жизнь, чтобы он не кончался никогда. Я был согласен провести всю жизнь в кинотеатре с любимым человеком.

После окончания сеанса включили свет, и я наконец смог взять себя в руки. На выходе меня ждали друзья, но я даже не подошел к ним. Я пошел с ней. Я подержал ее рюкзак, и она положила в него свою “красную шапочку”. Рюкзак был тяжелым. Что это у тебя там? Кроссовки и форма. Ты что занимаешься спортом? Да. И тут я заметил, что ее грудь, еще больше увеличившись в объеме, однако отвисла. По меткому выражению Бодлера – “грудь, поблекшая от грязных ласк”. Это означало одно - ее муженек ежедневно пялит ее в хвост и в гриву. В ее фигуре появилась Perezrelost, такая обычно появляется у телок, ведущих очень активную секс-жизнь. Я не мог поверить своим глазам. По-прежнему юное, девятнадцатилетнее

создание, которой на вид не больше шестнадцати, - и такие заморочки. Я тогда еще не знал, что общаюсь с ней в последний раз. Горечь, отчаяние. Поиски утраченного времени.

Она по-прежнему была со мной очень вежлива и мила. Я проводил ее до места работы ее мужа и ушел. Она пожелала мне удачи. Я шел по улице. Солнце еще сияло над головами больших и маленьких людей. У меня в руках были две приобретенные в тот день на последние деньги книжки “Утопия и утопическое мышление” и “Наука о боли”. Я видел отражение своей головы на залитых солнцем страницах книг. Я отражался в этих книгах, как в зеркале. Надежда, радость и безотчетный смех. Солнце постепенно гасло, как освещение в кинотеатре перед началом просмотра. Я пробирался среди людей, пытаюсь найти свое место. Я искал ее. Я должен был сидеть рядом с ней. Но ее нигде не было. Сеанс подходил к концу.

2002 (ремастеринг 2026)